

18+

У него безупречная
репутация,
но очень грязные
мысли...

अनंत के अंदर है

СКАНДАЛЬНЫЙ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ *USA TODAY*

Л. ДЖ. ШЭН

Freedom. Интернет-бестселлеры Л. Дж. Шэн

Л. Дж. ШЭН
Скандалный

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Шэн Л.

Скандалный / Л. Шэн — «Эксмо», 2017 — (Freedom. Интернет-бестселлеры Л. Дж. Шэн)

ISBN 978-5-04-167783-1

Трент Рексрот. Жесткий. Холодный. Расчетливый. Говорит он редко. И его слова не предназначены мне. Но если произносит хоть фразу, то с презрением. В такие моменты я теряю рассудок, и мир переворачивается с ног на голову. Он — деловой партнер моего отца. Я для него всего лишь ребенок и дочь его врага. Он эмоционально недоступен. А я... чувствую. Чувствую то, что не должна. Трент Рексрот разобьет мне сердце. Эта надпись высечена на моей душе. И все же я не могу остаться в стороне. Скандал — последнее, что нужно моей семье. Но мы обязательно его устроим. И как прекрасен будет этот хаос.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-167783-1

© Шэн Л., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава 1	12
Глава 2	17
Глава 3	22
Глава 4	27
Глава 5	35
Глава 6	41
Глава 7	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Л. Дж. Шэн

Святые Грешники. Скандальный (#3)

L.J. Shen Scandalous

Copyright © 2017. Scandalous by L.J. Shen

The moral rights of the author have been asserted.

© Мчедлова В., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательство „Эксмо“», 2022

Во внутреннем макете использованы иллюстрации:

© Nantawat Chotsuwan / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Посвящается Сани Борек и Элле Фокс

*Если бы прикоснулся к ней, то не смог бы с ней
говорить.*

Если бы полюбил ее, то не смог бы уйти.

Если бы заговорил, то не смог бы слушать.

Если бы сражался, то не смог бы победить.

Арундати Рой «Бог мелочей».

Плейлист

«Believer» – Imagine Dragons

«Girls and Boys» – Blur

«Just the Two of Us» – Grover Washington Jr.

«Pacific Coast Highway» – Kavinsky

«Sweater Weather» – The Neighborhood

«Lonely Boy» – The Black Keys

«Shape (Of My Heart)» – Sugababes cover

Морские коньки предпочитают плавать парами, сцепившись хвостами. Их принято считать одними из немногих моногамных животных. Также коньки устраивают восьмичасовой брачный танец, во время которого, помимо всего прочего, плавают бок о бок и меняют цвета. Они романтичны, изящны и хрупки.

В точности как любовь.

Они напоминают нам, что любовь должна быть дикой, совсем как океан.

Пролог Эди

Обжорство (мн. нет).

1. Избыток еды и питья.

*2. За алчное или непомерное потворство своим желаниям нации
вменили в вину энергетическое обжорство.*

Худший из семи смертных грехов. Во всяком случае, с моей точки зрения. А в тот миг, майским вечером, когда я прогуливалась по набережной Тодос-Сантоса под беспощадными лучами южнокалифорнийского солнца и отчаянно нуждалась в наличных, только моя точка зрения имела значение. Опершись на белую ограду, отделявшую шумный тротуар от переливающегося океана и ослепительных яхт, я наблюдала за людьми.

Fendi, Dior, Versace, Chanel, Burberry, Bvlgari, Louboutin, Rolex.

Алчность. Излишества. Развращенность. Пороки. Фальшь. Притворство.

Я осуждала их. Осуждала за манеру пить органические смузи по десять баксов и рассекать на разноцветных, изготовленных на заказ скейтбордах с автографами Тони Хоука¹. Осуждала, прекрасно зная, что они не могли ответить мне тем же.

Я скрылась от глаз. Спрятала лицо за капюшоном плотной черной толстовки, засунула руки поглубже в карманы. На мне были черные джинсы в обтяжку и пара старых расшнурованных ботинок Dr. Martens. Видавший виды рюкзак держался на булавках.

Я выглядела бесполо.

Двигалась словно призрак.

Чувствовала себя фальшивкой.

И сегодня я намеревалась совершить поступок, после которого мне станет сложнее примириться с самой собой.

Как и в любой опасной игре, в этой существовали правила, которые я строго соблюдала: не трогать детей, стариков, нуждающихся и рядовых граждан. Я наживалась на богатых, выбирая в качестве мишени типаж моих родителей. Женщин с сумочками Gucci и мужчин в костюмах от Brunello Cucinelli. Дам с пуделями, выглядывающими из усыпанных стразами сумок Michael Kors. А еще джентльменов, которые, судя по их виду, не гнушались потратить на сигару сумму, покрывавшую у обычного человека месячную аренду.

Выследить потенциальную жертву на набережной оказалось до неприличия просто. По статистике две тысячи восемнадцатого года, Тодос-Сантос был самым богатым городом в Калифорнии. Вскоре эти земли, к большому неудовольствию местных потомственных богачей, облюбовали нувориши² вроде моего отца с громадными, импортными из Италии машинами и таким количеством драгоценностей, которого хватило бы, чтобы затопить броненосец.

Тряхнув головой, я гладела на буйство красок, запахов и загорелых полуголых тел. *Сосредоточься, Эди, сосредоточься.*

Жертва. Хороший охотник способен почуять ее за несколько километров.

Моя сегодняшняя добыча спешно пронеслась мимо, невольно привлекая к себе внимание. Она запрокинула голову, демонстрируя ровный ряд жемчужно-белых зубов. Типичная трофейная жена средних лет, с головы до ног разодетая по последней моде. Я модой не увлекалась, но отец любил баловать своих ненаглядных любовниц шикарными шмотками, а потом демонстрировать их на светских мероприятиях, представляя в качестве своих *самых* личных

¹ Американский профессиональный скейтбордист.

² Человек, быстро разбогатевший, пробившийся в высшие слои общества.

ассистенток. Мама покупала себе такие же вещи в отчаянном стремлении быть похожей на развлекавших отца девиц. Увидев богатство, я сразу его узнаю. А что же эта женщина? Она не испытывала нужды ни в еде, ни в любви, но только эти две вещи имели значение.

Она даже не подозревала, что на ее деньги я куплю себе любовь. Ее кошелек, который вскоре опустеет, до краев наполнит мое сердце любовью.

– Ужасно хочется съесть салат с уткой в «Brasserie». Может, завтра получится туда заглянуть? Вдруг и Дар составит нам компанию, – манерно протянула женщина, взбивая наманикюренными пальцами белокурые волосы длиной до подбородка.

Она уже повернулась ко мне спиной, как вдруг я заметила, что под руку она держит высокого смуглого красавчика лет на двадцать младше ее. Телосложением он походил на робокопа, а разодет был, словно элегантный Дэвид Бекхэм. Ее юный любовник? Муж? Старый друг? Сын? Для меня это не имело практически никакого значения.

Она была идеальной жертвой. Рассеянная, встревоженная и заносчивая. Эта дама, расставшись с кошельком, испытает лишь легкое неудобство. Наверняка у нее нанят персональный ассистент или другой несчастный человек, в чьи обязанности входило разбираться с последствиями происшествий. Кто-то, кто закажет выпуск новых кредитных карт и займется восстановлением водительских прав, освобождая ее от бюрократических хлопот.

Кто-то вроде Камилы.

Воровство подобно хождению по канату. Секрет в самообладании и способности не смотреть в бездну или в моем случае – жертве в глаза. Я была худой, невысокой и проворной. С легкостью лавировала в толпе подростков в бикини и семейных людей, поедающих мороженое. Мой взгляд был прикован к черной сумке с золотым логотипом YSL, висящей на ее руке.

Звуки вокруг стали звучать приглушенно, тела и фургончики с едой исчезли из поля зрения – я видела лишь сумку и свою цель.

Вспомнив все, что узнала от Бэйна, я сделала глубокий вдох и бросилась за сумкой. Сорвала ее с руки хозяйки и стремглав ринулась в один из переулков, разделявших прибрежные магазины и рестораны. Не оборачиваясь, я вслепую отчаянно мчалась вперед.

Топ, топ, топ, топ. Ботинки гулко стучали по раскалившемуся на солнце асфальту. Но еще бóльшим гулом отзывалось сердце от мысли о том, что будет, если я не получу деньги, в которых так нуждалась. Чем дальше я убегала от своей жертвы, тем тише становились неразборчивые смешки девушек с набережной.

А я могла быть одной из них. И все еще могу. Зачем я это делаю? Почему не могу бросить?

Осталось только повернуть за угол, и я окажусь в машине, открою сумку и исследую свое сокровище. Охмелев от адреналина и обезумев от всплеска эндорфинов³, я издала истерический смешок. Мне претило грабить людей. Еще большее отвращение вызывали сопровождающие кражу чувства. Но сильнее всего я ненавидела саму себя – ту, кем стала. И все же сердце наполнилось эйфорией от чувства свободы, когда я смогла совершить дурной поступок и успешно выйти сухой из воды.

При виде машины все внутри свело от облегчения. Старенькая, черная «Ауди ТТ», купленная отцом у бизнес-партнера Барона Спенсера, была единственным его подарком за последние три года, но даже такой подарок был отягощен отцовскими ожиданиями. Главной целью его жизни было реже видеть меня в своем особняке. Чаще всего он предпочитал не ночевать дома – проблема решена.

Я откопала в рюкзаке ключи и оставшуюся часть пути прошла, отдуваясь, как больная собака.

³ Химические соединения, которые вырабатываются в головном мозге и обладают способностью уменьшать боль.

До водительской двери оставались считанные сантиметры, как вдруг колени подкосились, и перед глазами все пошло кругом. Я не сразу сообразила, что дело не в моей неуклюжести. Большая, твердая ладонь опустилась мне на плечо и развернула кругом, выбив из легких весь воздух. Пальцы до боли сжали мою руку и поволокли в переулок между закуской и бутиком, не успела я и рта раскрыть. Закричать, укусить или сделать что похуже. Я упиралась ногами в асфальт, отчаянно пытаюсь вырваться, но парень был вдвое крупнее меня и сплошь состоял из мышц. В приступе ослепляющей ярости я даже толком не разглядела его лица. Внутри меня все вскипело, тотчас вспышками застила глаза. Мужчина толкнул меня к стене здания, и я втянула воздух сквозь стиснутые зубы, прочувствовав удар спиной до самого копчика. Я инстинктивно выставила руки вперед, пытаюсь вцепиться ему в лицо, брыкаться и кричать. Страх окутал подобно шторму, пробраться сквозь него было невозможно. Сжав мои запястья, незнакомец поднял мне руки над головой и с силой прижал их к холодной стене.

«Вот и все, – подумала я. – Здесь ты и встретишь свой конец. На одном из известнейших людных пляжей Калифорнии посреди субботнего вечера – и все из-за какой-то глупой сумки».

Вздвигнув, стала ждать, когда его кулак влетит мне в лицо или еще хуже: когда его тухлое дыхание коснется моих губ, а рука дернет штаны.

Незнакомец вдруг усмехнулся.

Я нахмурила брови и прищурилась, пытаюсь восстановить концентрацию и сдержать застилающий взор ужас.

Его образ стал складываться по кусочкам, подобно картине в процессе написания. Первым, что я увидела сквозь туман страха, были его серо-голубые глаза. Лазурный и серебряный цвета слились в них, как в лунном камне. Затем я заметила его прямой нос, симметричные губы и до того острые скулы, что ими вполне можно было резать алмазы. Но я тотчас узнала его не по острой мужественности и устрашающему внешнему виду. А благодаря жесткости и угрозе, которые он источал в опасном объеме. Он был словно темный рыцарь, выточенный из грубого материала. Сурово молчаливый и жестко уверенный в себе. Я видела его лишь раз на барбекю у Дина Коула несколько недель назад, и тогда мы с ним даже словом не обмолвились.

Он ни с кем словом не обмолвился.

Трент Рексрот.

Мы были едва знакомы, но я осуждала его за все, что мне было о нем известно. Он был миллионером, холостяком, а потому наверняка еще и плейбоем. Словом, он был молодой копией моего отца, а значит, в знакомстве с ним я была заинтересована не больше, чем в том, чтобы подцепить холеру.

– Даю тебе пять секунд, чтобы объяснить, почему ты пыталась ограбить мою мать. – Голос его прозвучал сухо, но глаза искрились от ярости. – *Пять.*

Его *мать*. Проклятье. Я и правда влипла. Но не могла пожалеть о содеянном, потому что попала точно в цель. Богатая белая женщина из пригорода, которая не хватилась бы ни денег, ни сумки. Мне просто не повезло, что деловой партнер отца, с которым он работал уже полгода, оказался ее сыном.

– Отпусти мои руки, – прошипела я сквозь стиснутые зубы, – пока не получил коленом по яйцам.

– Четыре.

Он пропустил мои слова мимо ушей и еще сильнее сжал запястья, взглядом бросая мне вызов, будто подначивая что-то сделать, хотя нам обоим было известно: мне не хватит смелости даже попытаться. Я поморщилась. Он не причинял мне боли и знал об этом, сжимая ровно с такой силой, с какой нужно, чтобы доставить ощутимый дискомфорт и перепугать до чертиков.

Мне никогда прежде не причиняли физическую боль. Таково было негласное правило богатых, светских людей. Ребенка можно игнорировать, отослать в школу-пансион в Швейцарии или оставить с нянькой до восемнадцатилетия. Но боже упаси поднять на него руку. Я

огляделась в поисках украденной сумки, чувствуя, как внутри все сжимается от паники и смещения. Рексрот быстро раскусил мой план и пнул валявшуюся между нами сумку. Она с глухим стуком ударилась о мои ботинки.

– Слишком не привыкай, милая. Три.

– Мой отец убьет тебя, если узнает, что ты меня тронул, – пролепетала я, пытаюсь собраться с силами. – Я...

– Дочь Джордана Ван Дер Зи, – сухо перебил он, избавив меня от необходимости представляться. – Не хочу тебя разочаровывать, но мне насрать.

Отец вел дела с Рексротом и владел сорока девятью процентами акций «Чемпионс Бизнес Холдингс» – компании, которую Трент учредил со своими школьными друзьями. А посему для стоящего передо мной мужчины Джордан был угрозой, хотя и не являлся ему начальником. По напряженному хмурому взгляду я поняла: Трент вовсе не напуган. Но знала, отец придет в бешенство, если узнает, что тот притронулся ко мне. Джордан Ван Дер Зи редко одаривал меня взглядом и делал это лишь с целью продемонстрировать мне свою власть.

Мне хотелось уязвить Рексрота в ответ. Я не до конца понимала зачем. Возможно, потому что он унизил меня, хотя отчасти я сама признавала: это было заслуженно.

Его глаза метали молнии, обжигая кожу всюду, куда он смотрел. Мои щеки расцвели румянцем, и это задело меня за живое, потому что Трент был почти вдвое старше и строжайше под запретом. Я и без того почувствовала себя соплячкой, попавшись на месте преступления. Не хватало еще ощутить, как напрягаются бедра оттого, что его пальцы впились в запястья, будто он хотел рассечь их и вытащить вены.

– И что ты будешь делать? Ударишь меня?

Я вздернула подбородок вверх, выражая открытое неповиновение взглядом, голосом и позой. Его мать была белой женщиной, значит, отец у него чернокожий или мулат. Трент был высоким, смуглым мужчиной с крепким телосложением. Темные волосы были коротко подстрижены на манер морского пехотинца. На нем были угольно-черные брюки свободного кроя, белая рубашка и винтажные часы Rolex. *Великолепный ублюдок. Сногшибательный, заносчивый подлец.*

– Два.

– Ты уже десять минут считаешь от пяти до одного, умник, – констатировала я, подняв бровь.

В ответ он растянул губы в такой дьявольской улыбке, что готова была поклясться, казалось, будто у него виднелись клыки. Трент стремительно отпустил мои руки, точно обжегшись. Я тотчас принялась потирать запястье ладонью. Возвышаясь надо мной словно тень, мужчина закончил обратный отсчет и прорычал:

– Один.

Мы уставились друг на друга: я в ужасе, а он с явным изумлением. Пульс резко подскочил, и я задумалась, как его биение выглядело изнутри. Не полопались ли у меня сосуды в сердце под натиском крови и адреналина. Трент мучительно медленно поднял руку и стянул с моей головы капюшон. Копна светлых волнистых волос ниспала мне до талии. Я ощутила себя настолько беззащитной перед ним, что по спине побежали мурашки. Мужчина лениво изучал меня взглядом, будто я была товаром на полке грошового магазинчика, о покупке которого он размышлял. Я была привлекательной девушкой, что в равной мере тешило и огорчало моих родителей. Но Трент был взрослым мужчиной, а я выпускницей старшей школы, по крайней мере, еще два месяца. Мне было известно: богатые мужчины предпочитали молоденьких девушек, но редко прельщались подростками.

Я первой нарушила затянувшееся молчание:

– И что теперь?

– Теперь я буду ждать. – Он едва не погладил меня по щеке – едва, – отчего у меня затрепетали веки, а сердце сделало сальто в груди, заставив почувствовать себя младше и вместе с тем старше своих лет.

– Ждать? – нахмурилась я. – Ждать чего?

– Удобного случая использовать рычаг давления на тебя, Эди Ван Дер Зи.

Он знал мое имя. И без того удивительно, что, лишь раз издали увидев меня на вечеринке у друга несколько недель назад, он узнал во мне дочь Джордана. Но это... было уже странным образом волнительно. С чего бы Тренту Рексроту знать мое имя, если только он его не спрашивал? Отец не стал бы говорить обо мне на работе, это неоспоримо. Джордан старался игнорировать факт моего существования при любой возможности.

– Что тебе вообще может быть от меня нужно?

Я недоверчиво наморщила нос. Трент был влиятельным магнатом тридцати с лишним лет и был настолько вне моего круга, что круги наши даже не соприкасались. И дело тут не в излишней самокритике. Таков мой выбор. Я могла быть богатой – ему под стать. Поправка: теоретически я была в пятьдесят раз богаче его. Весь мир лежал у моих ног, но я, к большому недоумению отца, решила отбросить его в сторону.

Однако Трент Рексрот об этом не знал. Он не знал ничего.

От его прикосновений и пристального взгляда я почувствовала себя невероятно живой. Рексрот наклонился ко мне, прижался губами, созданными для поэзии, греха и удовольствия, к коже возле моего уха и с улыбкой пробормотал:

– Мне нужно держать твоего отца на коротком поводке. Поздравляю, ты только что опустилась до уровня потенциальной жертвы.

Он отстранился и повел меня к машине, сжав рукой за шею, как дикое животное, которое нужно приручить. А я могла думать лишь о том, что моя жизнь в этот момент стала еще сложнее.

Трент постучал по крыше моей «Ауди», опустил солнцезащитные очки с глаз и улыбнулся мне в открытое окно.

– Осторожней за рулем.

– Иди в задницу! – Трясущимися руками я пыталась снять машину с ручника.

– Да ни за что на свете, деточка. Не стоит из-за тебя мотать тюремный срок.

Мне уже исполнилось восемнадцать, но едва ли это что-то меняло. Я еле сдержалась от того, чтобы плюнуть ему в лицо, а он вдруг порывлся в сумке матери и бросил мне в машину нечто маленькое и твердое.

– На дорожку. И дам тебе дружеский совет: не трогай чужие сумки и карманы. Не все люди такие милые, как я.

Он не был милым. Он был самым настоящим ублюдком. Но не успела я сформулировать ответную колкость, как он развернулся и ушел, оставив за собой шлейф одурманивающего аромата и вереницу заинтересованных женщин. Возмущенная и оторопелая от его последнего замечания, я рассмотрела, что он бросил мне на колени.

Батончик «Сникерс».

Иными словами, он велел успокоиться, обращаясь со мной, как с ребенком. Объектом *насмешки*.

С набережной я поехала напрямик на пляж Тобаго с целью занять у Бэйна немного денег на следующий месяц. Я была слишком растеряна, чтобы срочно срубить наличные, напав на очередного лоха.

Но этот день принес перемены и каким-то неведомым образом повернул мою жизнь в направлении, о котором я и помыслить не могла.

В этот день я поняла, что ненавидела Трента Рексрота.

Внесла его в черный список без права на помилование.

А еще осознала, что все еще могла почувствовать себя живой в правильных руках.
Как жаль, что руки эти были совсем не подходящими.

Глава 1

Трент

*Она – лабиринт, из которого не выбраться.
Легкая, размеренная вибрация. Она рядом, но едва ощутимо.
Я люблю ее так сильно, что порой ненавижу.
И мне страшно до ужаса, так как в глубине души я знаю, кто она.
Неразрешимая головоломка.
И я знаю, кто я.
Дурак, который пытается ее решить.
Любой ценой.*

– Что ты чувствовал, когда писал эти строки?

Соня держала в руках лист бумаги с пятном от виски, словно гребаного новорожденного, и смотрела на меня блестящими от слез глазами. На сегодняшнем сеансе уровень драмы зашкаливал. Ее голос звучал еле слышно, и я понимал, чего она добивалась. Прорыва. Решающего момента. Ключевой сцены в голливудском фильме, после которой все меняется. Странноватая девчонка избавляется от комплексов, ее отец осознает, каким бесчувственным козлом он был, они прорабатывают свои эмоции, бла-бла, дайте пачку салфеток, бла-бла-бла.

Я потер лицо ладонью и покосился на часы.

– Я писал их, когда нажрался в хлам, так что, скорее всего, чувствовал то, как хочу умять бургер, чтобы ослабить действие алкоголя, – констатировал я невозмутимым тоном.

Я был не особо разговорчив, что, черт возьми, не удивительно, – неспроста меня прозвали Мьютом⁴. Если я и разговаривал с кем-то, то только с Соней, которая знала мои личные границы, с Луной, которая их напрочь игнорировала, или с самим собой.

– И часто ты напиваешься?

Разочарование. Вот что было написано у Сони на лице. Ей удавалось обуздать большинство своих эмоций, но я видел их под толстыми слоями макияжа и профессионализма.

– Нет, хотя тебя это вообще не касается.

В комнате повисла звенящая тишина. Я барабанил пальцами по экрану мобильного, пытаюсь припомнить, отправил ли контракт корейцам. Стоило быть более любезным, учитывая, что моя четырехлетняя дочь сидела рядом и наблюдала наш диалог. Вообще мне много стоило быть, но вне работы я мог быть только обозлившимся, разъяренным и пребывающим в смятении от одной и той же мысли: «Почему, Луна? Что, черт побери, я тебе сделал?» Как я стал тридцатитрехлетним отцом-одиночкой, у которого нет ни времени, ни терпения хотя бы для одной представительницы женского пола, кроме этой малышки.

– Давай поговорим о морских коньках. – Соня сменила тему, сцепив пальцы в замок.

Она всегда так делала, когда чувствовала, что мое терпение на исходе. Улыбалась мне теплой, но безучастной улыбкой, под стать атмосфере ее кабинета. Я пробежался взглядом по висящим у нее за спиной фотографиям смеющихся детей в духе того баракла, которое можно купить в «Икее», по обоям приглушенного желтого цвета и изящным цветастым креслам. Было ли дело в том, что она прикладывала слишком много усилий, или же в том, что я прикладывал их слишком мало? Мне теперь было трудно понять. Я перевел взгляд на дочь и ухмыльнулся. Она не ответила мне улыбкой, но я не мог ее за это винить.

– Луна, хочешь рассказать папочке, почему морские коньки – твои любимые животные? – весело прощбетала Соня.

⁴ С английского языка прозвище главного героя «The Mute» можно перевести как «немой», «молчаливый».

Девочка расплылась в широкой улыбке, заговорщически глядя на своего терапевта. Луне было четыре года, но она не разговаривала. Совсем. Не произносила ни слога, ни звука. С голосовыми связками у нее все было в полном порядке. Напротив, она кричала, когда ей было больно, покашливала, если утомлялась, и рассеянно мычала, когда по радио звучал Джастин Бибер (что, можно сказать, уже само по себе трагедия).

Луна не разговаривала, потому что *не хотела* говорить. И эта хрен знает отчего возникшая проблема была психологической, а не физиологической природы. Я же *знал*: моя дочь была другой, замкнутой в себе и не такой, как все. Окружающие называли ее «особенной» в качестве оправдания за то, что обращались с ней, как с ненормальной. Я больше не мог защищать ее от любопытных взглядов под вопросительно вздернутыми бровями. Честно говоря, со временем становилось все сложнее объяснять ее молчание замкнутостью, и я порядком устал все скрывать.

Луна была, *остаётся* и всегда будет непомерно умна. Она получала баллы выше средних по всем тестам, которые прошла за минувшие годы, а их было бесчисленное количество. Она понимала каждое сказанное ей слово. Она не говорила по собственному выбору, хотя была еще слишком юна, чтобы сделать такой выбор. Пытаться переубедить ее было невозможно и по-своему иронично. Поэтому дважды в неделю я таскался к Соне в кабинет посреди рабочего дня и отчаянно пытался уговорить мою дочь, чтобы она прекратила бойкотировать окружающий мир.

– Вообще, я сама могу рассказать, почему Луна так любит морских коньков. – Соня, поджав губы, разгладила на столе записку с моим пьяным бредом.

Наедине с терапевтом Луна порой произносила пару слов, но никогда не делала этого в моем присутствии. Соня рассказывала, что у моей дочери был ясный, как ее глаза, голос, который звучал нежно, изящно, безупречно. Она говорила без запинки. *«Она говорит, как нормальный ребенок, Трент. Однажды, ты тоже это услышишь»*.

Я подпер голову рукой, устало вскинув бровь, и уставился на грудастую рыжеволосую женщину. На работе меня ждало три незаконченных дела – четыре, если я все же забыл отправить корейцам контракт, и мое время стоило слишком дорого, чтобы тратить его на разговоры о морских коньках.

– Ну и?

Соня потянулась через стол и обхватила мою крупную смуглую ладонь своей маленькой бледной ладошкой.

– Морские коньки – любимые животные Луны, потому что это единственные существа в природе, у которых детеныша вынашивает самец, а не самка. Самец коньков выводит потомство. Беременеет, высиживает. Разве это не прекрасно?

Моргнув пару раз, я перевел взгляд на дочь. Я был абсолютно не приспособлен к взаимодействию с женщинами своего возраста. А уж заботясь о Луне, и вовсе чувствовал, будто вслепую веду безостановочную стрельбу в кромешной темноте в слабой надежде, что хотя бы один патрон попадет в цель.

Я нахмурился, пытаюсь придумать хотя бы что-то, что угодно, лишь бы заставить дочь улыбнуться. Меня вдруг посетила мысль: органы опеки вмиг забрали бы ее у меня, если бы узнали, каким я был эмоционально недоразвитым тупицей.

– Я... – промямлил я, но Соня прокашлялась, спеша мне на помощь.

– Луна, давай ты поможешь Сидни развесить снаружи декорации для детского лагеря? У тебя замечательно получается.

Сидни была секретарем Сони в терапевтическом кабинете. Мы подолгу сидели в приемной, дожидаясь сеанса, и дочь прониклась к ней симпатией. Луна кивнула и вскочила с места.

Моя дочь была красавицей. Голубые глаза сверкали, как прибрежные огни на фоне смуглой кожи цвета карамели и темно-русых кудрей. Моя дочь была красива, а мир уродлив, и я не знал, как ей помочь. Не знал, и это убивало меня, словно рак. Медленно, уверенно и жестоко.

Дверь захлопнулась с тихим стуком, взгляд Сони сосредоточился на мне, а улыбка померкла.

Я снова посмотрел на часы.

– Ты заедешь сегодня потрахаться или нет?

– Господи, Трент! – Соня покачала головой и сцепила руки в замок на затылке.

Пусть поистерит. С ней постоянно повторялась эта проблема. По какой-то непонятной мне причине она считала, что могла меня отчитывать, так как время от времени мой член оказывался у нее во рту. Правда же в том, что она имела надо мной какую-то власть только лишь из-за Луны. Моя дочь была от нее без ума и чаще улыбалась в обществе терапевта.

– Я так понимаю, ответ отрицательный.

– Может, обратишь внимание на этот звоночек? Своей любовью к морским конькам Луна говорит: *«Папочка, я ценю твою заботу»*. Ты нужен своей дочери.

– И я рядом, – процедил я сквозь стиснутые зубы.

Это правда. Что еще я мог дать Луне? Я был ей и отцом, когда нужно было открыть банку соленых огурцов, и матерью, когда нужно было заправить майку в балетное трико.

Три года назад Вал, мать Луны, положила малышку в кроватку, прихватила два больших чемодана, ключи и исчезла из нашей жизни. Мы с Вал не были парой. А Луна – результат угарного мальчишника в Чикаго, который вышел из-под контроля. Она была зачата в подсобке стрип-клуба, пока Вал скакала на мне верхом, а другая стриптизерша уселась мне на лицо. Вспоминая ту ночь, думаю, что, трахнув стриптизершу без презерватива, я должен был попасть в Книгу рекордов Гиннеса за свою тупость. Мне было двадцать восемь, и меня даже с натяжкой нельзя было назвать ребенком. Мне хватало ума понимать, что я поступаю неправильно.

Но в двадцать восемь я все еще был ведом желаниями своего члена и содержимым кошелька.

А в тридцать три думал головой и о благополучии дочери.

– Когда прекратится этот цирк? – перебил я, устав ходить вокруг да около. – Сколько будут стоить сеансы в частном порядке? Назови цену, и я заплачу.

Соня работала в частной организации, которая частично финансировалась властями штата, а частично – людьми вроде меня. Вряд ли она зарабатывала больше восьмидесяти тысяч в год, да и эту сумму я заломил до черта. Я предложил бы ей сто пятьдесят тысяч, лучшую медицинскую страховку для нее и ее сына при том же количестве рабочих часов, если она согласится работать только с Луной. Соня терпеливо вздохнула, прищурил голубые глаза.

– Трент, ну неужели ты не понимаешь? Нужно сосредоточиться на том, чтобы Луна открылась большому количеству людей, а не давать ей зависеть в общении от меня одной. К тому же она не единственный ребенок, который нуждается в моей помощи. Мне нравится работать с широким кругом пациентов.

– Она любит тебя, – возразил я, выдергивая ворсинку из своего безупречного костюма от Gucci.

Неужели она думала, будто я не хочу, чтобы дочь разговаривала со мной? Или с моими родителями и друзьями? Я все перепробовал. Луна не поддается. Мне оставалось позаботиться хотя бы о том, чтобы ей не было ужасно одиноко в своей голове.

– Тебя она тоже любит. Просто ей нужно больше времени, чтобы выйти из своей раковины.

– Будем надеяться, что это случится прежде, чем я найду способ ее разбить, – полушутя ответил я и встал с дивана.

Ни один взрослый человек, с которым мне приходилось иметь дело, не заставлял меня чувствовать себя таким беспомощным, как заставляла собственная дочь.

– Трент, – взмолилась Соня, когда я уже подошел к двери.

Я остановился, но оборачиваться не стал. Нет уж. К черту. Заезжая ко мне ради переписки, когда Луна и ее нянечка уже спали, Соня редко говорила о своей семье, но я знал, что она была разведена и одна воспитывала ребенка. К черту нормальную Соню и ее нормального сына. Они не понимали нас с Луной. Может, только на словах. Но вот нас настоящих? Сломленных, измученных, странных? Исключено. Соня была хорошим терапевтом. Неэтичным? Возможно, но даже с этим можно было поспорить. Мы спали с ней, зная, что между нами просто секс и ничего больше. Никаких чувств, заморочек и ожиданий. Она была хорошим терапевтом, но, как и все люди в этом мире, плохо понимала, что я переживал. Что мы переживали.

– Летние каникулы только начались. Настоятельно тебя прошу выделить время для Луны. Ты работаешь допоздна. Ей будет полезно проводить с тобой больше времени.

Я развернулся на месте и приковал взгляд к ее лицу.

– И что ты предлагаешь?

– Может, стоит брать выходной каждую неделю и проводить его с ней?

В ответ я лишь пару раз неторопливо моргнул, давая ей понять: она грубо нарушила границы. Соня пошла на попятную, но не без боя. Поджала губы, намекая, что тоже от меня устала.

– Понятно. Ты важная шишка и не можешь позволить себе выходной. Пообещай мне, что будешь раз в неделю брать ее с собой на работу? Камила может за ней присматривать. Я знаю, у тебя в офисе есть игровая комната и другие, доступные для детей развлечения.

Камила – няня Луны. В шестьдесят два года она уже нянчила собственного внука, и еще один был на подходе, а значит, ей оставалось недолго у нас работать. Так что, слыша ее имя, я всегда ощущал неприятное напряжение.

Я кивнул, и Соня выдохнула, закрыв глаза.

– Спасибо.

В холле я забрал рюкзак Луны с «Дашей-путешественницей»⁵ и положил в него игрушечного морского конька. Протянул дочери руку, и она взяла мою ладонь. Мы молча пошли к лифтам.

– Может, спагетти? – предложил я, как мазохист ожидая разочарования. Я никогда не услышу от нее ответ.

Тишина.

– Что насчет замороженного йогурта?

Ни фига.

Сигнал известил о прибытии лифта, и мы поспешили внутрь. Луна надела простые джинсы, белую футболку и черные кеды. Я мог представить, что в таком наряде ходит девчонка Ван Дер Зи, когда не грабит невинных граждан. Луна была совсем не похожа на Дарью, дочь Джейми, и других девочек в группе, которые любили платья и рюши. Тем лучше, ведь они для нее тоже не представляли никакого интереса.

– А может, спагетти вместе с замороженным йогуртом? – торговался я. А я никогда не торговался. Никогда.

Луна чуть сильнее сжала мою ладонь. *Уже теплее.*

– Польем спагетти замороженным йогуртом и слупим за просмотром «Очень странных дел»⁶. Посмотрим пару эпизодов. Сорвем подготовку ко сну, пойдешь спать в девять, а не в восемь.

⁵ «Даша-путешественница» – американский обучающий детский сериал.

⁶ «Очень странные дела», или «Загадочные события» – американский научно-фантастический сериал, созданный бра-

Да к черту. Сегодня выходной, и жаждущие меня тела могли подождать. Сегодня я буду смотреть «Нетфликс» со своим ребенком. Побуду морским коньком.

Луна разок сжала мою ладонь, молча выражая согласие.

– Но никакого печенья и шоколада после ужина, – предупредил я.

Когда вопрос касался еды и установленного в доме порядка, я заставлял всех ходить по струнке. Луна снова сжала мою руку.

– Скажи тому, кого это волнует, юная мисс. Я твой отец, и я устанавливаю правила. Никакого шоколада. И мальчишек – ни после ужина, ни в другое время.

По лицу Луны пробежала тень улыбки, а потом она вновь нахмурилась и крепче прижала к груди свой рюкзак с морским коньком. Родная дочь никогда мне не улыбалась, ни разу, даже случайно – вообще никогда.

Соня ошибалась. Я не был морским коньком.

Я был океаном.

Глава 2

Эди

Невесомость.

Это чувство никогда не приедалось.

Парить на гладкой волне, становиться единым целым с океаном. Умело рассекать на ней, согнув колени, втянув живот, подняв подбородок и сосредоточившись на самом главном в жизни – на том, чтобы не упасть.

Черный гидрокостюм плотно прилегал к коже и сохранял тепло даже в утренней соленой воде. Краем глаза я заметила, как Бэйн поймал другую волну и понесся на ней сломя голову, агрессивно и беспощадно, как на своем «Харлее». Океан сегодня был шумным. Бился о белый берег, заглушая дурные мысли и выгоняя из головы надоедливых тараканов. Он отключал мою тревогу, и на час – всего лишь на час – исчезали переживания и беспокойство из-за денег. В этот час не строились планы и не разбивались мечты. Не было Джордана и Лидии Ван Дер Зи, никаких ожиданий и нависших надо мной угроз.

Только я.

Только вода и рассвет.

О, и Бэйн.

– Вода чертовски холодная, – проворчал он со своей волны и присел, чтобы как можно дольше скользнуть на поверхности одной из самых неутомимых природных стихий.

Бэйн был гораздо выше и тяжелее меня, но все равно управлялся достаточно хорошо, чтобы стать профессионалом, когда действительно этого хотел. Оседлав крутую волну, он вцепился в нее мертвой хваткой. Ведь серфинг совсем как секс: сколько им ни занимайся, все равно каждый раз отличался от всех прежних. Всегда можно было узнать что-то новое, каждая встреча была уникальна и полна новых возможностей.

– Неподходящий день для трюков с причиндалами, – прокряхтела я в напряжении, сворачивая на краю волны, дабы не сбавлять темп.

Бэйн любил кататься гольшом. Ему это нравилось потому, что вызывало у меня отвращение, а причинять мне дискомфорт было его любимым занятием. Меня отвлекал и раздражал вид его длинного, болтающегося в воздухе члена.

– Ох, и получишь ты, Гиджет⁷, – ответил он и провел языком с серьгой-колечком по проколотой губе.

Таким прозвищем называли миниатюрных девушек-серферов, а Бэйн звал меня так, только когда хотел вывести из себя. Он уже начал терять равновесие и едва держался на волне. Если у кого из нас и треснет доска, то точно у него.

– Не дожدهшься, – воскликнула я, перекрикивая свирепые волны.

– Да я серьезно. Там твой отец.

– Мой отец... что?

Я ослышалась. Конечно же, ослышалась. Отец никогда прежде меня не разыскивал и уж точно не стал бы делать исключение, заявившись ни свет ни заря на непригодный для любителя дорогих костюмов песчаный пляж. Я прищурилась и посмотрела на берег, теряя равновесие, и не только физически. Береговая линия была усеяна рядами пальм и бунгало розового, зеленого, желтого и голубого цветов. И конечно, среди буйства баров, фургонов с хот-догами и сложенных желтых шезлонгов виднелся Джордан Ван Дер Зи. Он стоял посреди

⁷ Американская кинокомедия Пола Уэндкоса 1959 года. Снята по книге Фредерика Конера «Гиджет, маленькая девочка с большими идеями». Фильм популяризировал серфинг и стал прародителем целого жанра подобного рода «пляжных фильмов».

пляжа, а восходящее у него за спиной солнце напоминало потоки пламени, вырвавшиеся прямо из врат ада. Сегодня отец нацепил костюм-тройку от Brooks Brothers и неодобрительный, суровый взгляд. Ни то ни другое он не снимал даже с окончанием рабочего дня.

Даже издали я видела, как от раздражения у него подергивается левый глаз.

Даже издали ощущала на лице его горячее дыхание перед очередным ожидаемым приказом.

Даже издали почувствовала, как горло мертвой хваткой сдавило отчаяние, будто он был слишком близко, слишком жесток, будто его самого было *слишком*.

Я поскользнулась на доске и упала спиной на воду. Боль пронзила весь позвоночник до головы. Бэйн не был знаком с моим отцом, но, как и все в городе, знал о нем. Джордану принадлежала половина делового центра Тодос-Сантоса, второй половиной владел Барон Спенсер. А недавно отец объявил, что подумывает баллотироваться в мэры города. Он широко улыбался в каждую, оказавшуюся под боком камеру, обнимался с местными бизнесменами, целовал детишек и даже посетил несколько мероприятий в моей школе, дабы выразить поддержку обществу.

Все либо любили его, либо боялись, либо ненавидели. Я принадлежала к числу последних, не понаслышке зная, что его гнев, словно меч с двусторонним лезвием, был способен вмиг порезать на куски.

Языка коснулся соленый вкус воды, и, сплюнув, я потянула за шнурок на щиколотке, чтобы найти уплывшую желтую доску. Взобравшись на нее, легла на живот и принялась спешно грести к берегу.

– Да пусть этот козел подождет, – прогремел позади меня голос Бэйна.

Я бросила на него косой взгляд. Парень сидел на своей черной доске, свесив по бокам ноги и уставившись на меня горящим взглядом. Длинные светлые волосы прилипли к его лбу и щекам, а глаза травянисто-зеленого цвета многозначительно сверкали. Я посмотрела на него сквозь призму отцовского взгляда. Немытый пляжный бездельник с забитой татуировками грудью и шеей. Викинг, пещерный человек, неандерталец, которому было комфортно жить на задворках общества.

Паршивая овца.

Ван Дер Зи водятся только с лучшими в стаде, Эди.

Я повернулась обратно к пляжу и стала грести быстрее.

– Гребаная трусиха! – прокричал Бэйн достаточно громко, чтобы Джордан услышал.

Я не ответила, и не потому, что не могла найти слов. Бэйн не знал всей истории. Мне нужно было цивилизованно вести себя с отцом. В его мозолистых руках было мое будущее, и я хотела его вернуть.

Бэйн не просто так получил свое прозвище. По большому счету, он был прославленным хулиганом и вообще себя не контролировал. Из школы его не выгнали лишь потому, что у его матери было до черта много связей в городском консульстве. Но Бэйн управлял всеми нами. Каждым ребенком в школе. Богатыми говнюками. Избалованными футболистами. Танцовщицами из группы поддержки, которые превращали жизнь всех остальных девчонок в кромешный ад.

Бэйн не был хорошим парнем. Он был лжецом, вором и наркоторговцем.

А иногда и моим хахалем.

И хотя Бэйн был прав в том, что мой отец – первоклассный козел, сам Джордан был прав кое в чем другом. Очевидно, я принимала сомнительные жизненные решения.

– Джордан? – окликнула я и, перевернув доску, взяла ее под мышку и спешно зашагала к нему.

От холодного песка, липшего к ногам, немела кожа. По венам все еще бежал кайф от катания на доске, но я понимала: вскоре адреналин развеется, и мне станет холодно. Но я

даже не вздрогнула, зная, что отец будет рад наблюдать мое неудобство и намеренно затянет разговор.

Кивком головы он указал мне за спину и прищурил глаза.

– Этот парень – Проценко?

Я наморщила нос, поддавшись нервной привычке. Джордан сам был иммигрантом в первом поколении, но выступал против моей дружбы с русским парнем, который переехал сюда с матерью после развала Советского Союза.

– Я велел тебе держаться от него подальше.

– И не только от него, – я шмыгнула носом, всматриваясь в горизонт. – По всей видимости, каждый остается при своем мнении.

Джордан ослабил ворот рубашки.

– А в этом ты, знаешь ли, ошибаешься. Я никогда не оставлял каждого при своем мнении, Эди. Просто выбираю, за что бороться. Это называется хорошим выполнением родительских обязанностей, и я стараюсь исполнять свои как можно лучше.

Отец как хамелеон: адаптировался и менялся до невозможности. Бессердечие он скрывал за беспокойством, а грубые замашки за рвением и синдромом отличника⁸. В моих глазах он стал монстром из-за своих поступков. А со стороны казался очередным законопослушным гражданином. Бедный мальчик прилетел в Штаты с родителями из Дании, воплотил американскую мечту и сам заработал свои миллионы тяжким трудом и безжалостным умом.

Его голос звучал встревоженно, но если он о чем-то и беспокоился, то точно не о моем благополучии.

– Отец.

Я вытерла лицо ладонью, испытывая отвращение оттого, что мне приходилось так к нему обращаться, лишь бы угодить. Он не заслужил права называться отцом.

– Ты же приехал не для того, чтобы говорить о «парне Проценко». Чем могу сегодня помочь?

Я вонзила доску в песок и оперлась на нее. Отец потянулся коснуться моего лица, но, вспомнив, что я вся мокрая, спешно убрал руку обратно в карман. В этот момент он выглядел по-человечески. Будто и не имел скрытых мотивов.

– Куда ты спрятала письма о зачислении в Бостонский и Колумбийский университеты? – Он упер руки в бока, а у меня чуть челюсть не отвисла.

Само собой, он вообще не должен был о них знать. Меня приняли в пять университетов: Гарвард, Стэнфорд, Браун, Бостонский и Колумбийский. Мой средний балл успеваемости был выше четырех. А фамилия Ван Дер Зи означала, что руководству университетов было прекрасно известно: мой отец пожертвует их замечательному учреждению пару миллионов долларов и почку в придачу за избавление от бремени моего присутствия. К несчастью, меня не интересовала учеба в колледже за пределами штата. Очевидная причина крылась в том, что я не хотела бросать серфинг. Он был важен для меня, как воздух. Солнце и ясное небо – как пища для моей души. Но главная причина была в том, что в Калифорнии жил единственный важный для меня человек во всем мире, и я отказывалась переезжать. Даже к северу в Стэнфорд.

Джордану было об этом прекрасно известно.

– Я их не прятала. Я их сожгла.

Я сняла гидрокостюм. Латекс больно хлопал по коже, пока я стаскивала его, обнажая маленькое сиреневое бикини.

– Я останусь рядом с ним.

– Понятно, – ответил он, понимая, что речь не о Бэйне.

⁸ В психологии убеждение, что несовершенный результат работы не имеет права на существование.

Отец решил поговорить не дома, а на пляже, чтобы мать нас случайно не подслушала. Лидия Ван Дер Зи пребывала в нестабильном состоянии, а ее психическое здоровье то и дело висело на волоске. Кричать в ее присутствии было недопустимо, а такая щекотливая тема легко могла обернуться серьезной ссорой.

– Да скажи уже. – Я закрыла глаза, не сдержав вздоха.

– Эди, я считаю, что подвел тебя как отец, и приношу тебе за это извинения.

Меня трясло. Всплеск адреналина от серфинга давно прошел. Я стояла почти голая и ждала, когда первые лучи солнца покажутся и коснутся моей кожи.

– Извинения приняты. – Я ни на секунду ему не поверила. – И каков твой дальнейший хитроумный план? Уверена, он есть. Ты же не проведать меня приехал?

– Раз уж ты не поедешь в колледж в этом году, то позволь прояснить: это вовсе не означает, что ты не отправишься туда на следующий год. И поскольку ты официально окончила старшую школу, я считаю, что тебе следует начать работать на меня.

На него. А не с ним. Дьявол кроется в мелочах.

– В офисе? Нет, спасибо, – сухо возразила я.

Трижды в неделю я проводила занятия по серфингу для детей. А с началом каникул старалась взять больше работы. И да – с тех пор, как отец перекрыл мне денежный поток, я постоянно воровала у людей деньги. Этими деньгами я старалась оплачивать бензин, страховку, покупать одежду, платить за жизнь и *за него*, а потому не собиралась извиняться за кражу наличных. А когда я не воровала, то сдавала в ломбард барахло из отцовского особняка. То самое, что он прикупил в Тодос-Сантосе, как только попал в «Клуб трех запятых»⁹. Драгоценности, технику, музыкальные инструменты. Черт возьми, будь у нас собака, то и ее заложила бы. Когда речь шла о счастье и благополучии моего любимого человека, меня мало что останавливало. И воровство под ограничения не попадало. Однако я всегда краля у тех, кто мог с легкостью вынести удар по кошельку. В этом я была уверена.

– Это не просьба. Это приказ, – возразил отец и потянул меня за локоть.

Я уперлась пятками в песок.

– А что, если откажусь его выполнять?

– Тогда *Теодору* придется уехать, – отчеканил Джордан, не моргнув и глазом. Он разбивал мне сердце тем, с какой легкостью произнес его имя. – Он и без того тебя постоянно отвлекает. И порой задаюсь вопросом: насколько бы ты преуспела в жизни, если бы я сделал это еще несколько лет назад.

Все внутри пошло кувырком. Мне хотелось оттолкнуть его, плюнуть ему в лицо и заорать, но я не могла этого сделать, так как он был прав. Джордан имел надо мной власть. И огромное количество связей. Если он захочет, чтобы Тео пропал из поля зрения, он запросто это сделает.

– Что за работа?

Я прикусила щеку, пока не почувствовала во рту металлический привкус крови.

– Любые поручения в офисе. В основном работа на побегушках. Никакой возни с бумагами и телефонных звонков. Тебе нужно хорошенько окунуться в реальность, Эди. Ты отклонила приглашения от пяти университетов из Лиги Плюща¹⁰ ради серфинга в обществе наркомана? Это в прошлом. Пора бы проявить себя. Будешь приезжать со мной на работу каждое утро в семь, открывать офис, и не уйдешь, пока я не разрешу, будь то семь, восемь или девять вечера. Поняла?

⁹ Клуб, участники которого заработали миллиардное состояние. Три запятые – это миллиарды поднятых долларов, так как число \$1,000,000,000 содержит именно столько этих знаков препинания.

¹⁰ Ассоциация восьми частных американских университетов, расположенных в семи штатах на северо-востоке США. Университеты, входящие в лигу, отличаются высоким качеством образования.

Отец еще ни разу не заходил так далеко, пытаясь меня наказать, а ведь мне уже давно исполнилось восемнадцать. Но это не имело ровным счетом никакого значения, потому что я по-прежнему жила под его крышей, ела его еду и что важнее всего – была в его власти.

– Почему ты так со мной поступаешь? Почему именно здесь и сейчас?

У него вновь задергался левый глаз, челюсти напряглись.

– Прекращай. Ты сама до этого довела своим беспечным образом жизни. Пора стать достойной своей фамилии. А выкрутасы ни к чему.

На этом он развернулся и направился к Range Rover, припаркованному на обочине пустой набережной. Двигатель уже был заведен, а водитель поглядывал то на нас, то на часы в телефоне. На его губах заиграла легкая улыбка. Отцу потребовалось меньше десяти минут, чтобы поставить меня на место.

А я осталась стоять как вкопанная, подобно ледяной статуе. Я ненавидела отца с такой страстью, какую люди обычно отдавали любви. Ненавидела всецело и со всей силой ощущала, как ненависть марает мою душу и отравляет настроение.

– Сдается мне, теперь ты жалеешь, что не послушалась моего совета и не послала его куда подальше, – пробормотал Бэйн, встав рядом со мной.

Он воткнул доску в песок острым концом и собрал растрепанные светлые волосы в пучок. Я промолчала.

– Похоже, ты получила по полной.

Парень подтолкнул меня локтем и достал из лежащего на песке рюкзака бутылку пива «Будвайзер» – и плевать, что было семь часов утра.

Сжав в руке кулон с морской ракушкой, я прорычала сквозь стиснутые зубы:

– Еще как.

Глава 3

Эди

Безумие.

Это место было сущим воплощением сумасшествия.

Я никогда еще не была у отца в офисе, но, увидев анархию, всегда ее распознавала. Оказавшись на пятнадцатом этаже здания «Оракл» в Беверли-Хиллз, где располагался офис «Чемпионс Бизнес Холдингс», я столкнулась с сущим хаосом.

С единственным человеком, который в своем безумии мог потягаться с Бэйном.

Бароном «Вишесом» Спенсером.

Весь офис гудел от звонков мобильных телефонов, сплетен женщин, облаченных в облегающие юбки от St. John, и споров мужчин в роскошных костюмах.

Приемную «ЧБХ» украшали стены из гранита цвета слоновой кости и состаренная темно-коричневая кожа. Сквозь окна высотой во всю стену открывался безупречный вид на реальный Лос-Анджелес, уродливый и прекрасный, настоящий и фальшивый во всей его красе.

И там, среди роскоши, великолепия и власти, я лицом к лицу столкнулась с человеком, чей статус легенды до того закрепился в Старшей школе Всех Святых, что по прошествии десятилетия в его честь назвали скамью – Вишес.

– Раз уж вознамерился целиком переписать статью о фондовой бирже, хотя бы воруй ее не у чертовых «Файнэншл таймс». Кто нанял тебя на должность начальника отдела по связям с общественностью? Кто?

Мужчина с гладкими черными волосами и темно-синими глазами бросил кипу бумаг в перепуганного молодого человека. Бумаги градом полетели на пол. Вишес напряг челюсти и ткнул парня пальцем в грудь поверх отутюженной рубашки.

– Разберись с этим дерьмом и начинай паковать семейные фотографии, которые ты, видимо, притащил, чтобы создать домашнюю атмосферу в своей крохотной каморке, кретин. И чтобы к пяти часам управился. Когда в шесть я уйду на совещание, то хочу сделать вид, будто ничего не было. Все ясно?

Почти все сотрудники на этаже собрались в круг, чтобы наблюдать развернувшееся представление, но никто не упрекнул Вишеса за паршивое поведение. Даже мой отец. Все будто бы слишком сильно его боялись. И хотя мне было очень жаль молодого пиарщика, который проямлил, что его зовут Рассел, я не хотела начинать работу в компании с того, что вывела из себя еще больше людей.

– Прошу вас, сэр. Вы не можете меня уволить.

Рассел чуть не упал на колени.

Наблюдать за происходящим было сущей пыткой. Я вся съезжилась в дизайнерском платье из черной шерсти, которое утром стащила у матери из шкафа, и старалась не дергаться.

– Могу и увольняю. И где мой кофе, черт подери?

Вишес огляделся вокруг, постукивая пальцем по нижней губе. На безымянном пальце левой руки виднелось обручальное кольцо. Можно было подумать, что брак сделает его мягче. Но нет.

Внезапно суматоха стихла. Толпа людей в костюмах расступилась, пропуская трех мужчин, которых я прекрасно узнала по снимкам в финансовых журналах, разбросанных по всему дому.

Дин Коул, Джейми Фоллоуилл и Трент Рексрот.

Первые двое встали по бокам от Трента в качестве декораций. Они были ниже ростом, худее и в целом не настолько богоподобны. А вот Трент будто бы занимал все пространство и

завладевал всеобщим вниманием. Сегодня на нем была светло-голубая рубашка и серые брюки. Он выглядел сексуально, двигался сексуально, и, судя по тому, что еще как минимум три женщины возле меня взволнованно захихикали, так считала не я одна.

– Спенсер, – Трент окинул его прохладным взглядом, держа в руках стаканчик из «Старбакса». – Критические дни нагрянули? Умерь пыл. Сегодня понедельник, на часах всего восемь утра.

– Да, кто ужалил тебя в зад, Ви? – подхватил Дин Коул, от широкой улыбки которого в помещении стало теплее и спокойнее.

– Не выражайся! – прогремел отец возле меня и крепче сжал мне руку.

Я и забыла, что он удерживал меня на месте. Впервые он схватил меня, когда в возрасте шестнадцати лет я заявила домой с двумя колечками в левой ноздре. А когда украсила нижнюю часть живота огромным черным крестом, то начал сжимать до синяков.

Он никогда не переусердствовал, ведь, как я уже говорила, богатые люди не бьют своих детей, но мы оба знали: он делал это потому, что мне не нравилось находиться с ним рядом. Вероятно, оставляемые время от времени синяки служили в его глазах приятным бонусом.

Крест не имел никакого отношения к религии. Он был посланием, жирно выведенным черными чернилами.

Не пересекать.

– Чмошник уволен. Хочу, чтобы к полудню его ноутбук был у меня на столе. Не говоря уже про пароли, корпоративный телефон и пропуск на парковку, который я отдам кому-нибудь более достойному. Может, пареньку, который доставляет нам корзины с фруктами по утрам.

Вишес махнул рукой в сторону Рассела и выхватил у Джейми из рук один из двух стаканов кофе. У меня сжалось сердце.

Трент молча открыл пинком дверь, которая вела, по всей видимости, в его кабинет. Наверное, я не должна была испытывать чистейший восторг оттого, что все они проигнорировали моего отца.

– Никого сегодня не уволят. К тому же нас ждут дела поважнее. У меня в кабинете.

– Во-первых, к черту твои дела. Во-вторых, нечего мне указывать. – Вишес в два глотка допил свой кофе и отдал стакан стоявшему ближе всех человеку. – В-третьих, кофе. Мне нужно больше кофе. Сейчас же.

– Вишес... – Джейми прокашлялся, а парень, державший в руках пустой стакан Вишеса, поспешил к лифту за второй порцией из «Старбакса».

– Парень скопировал статью из «Файнэншл таймс» и разместил ее на нашем сайте. Нас могли засудить или того хуже.

– П-прошу вас, – запинаясь, пролепетал Рассел, своей захлестывающей слабостью распалая жажду крови в каждом стоящем поблизости хищнике, включая меня. – Я совершил ошибку. У меня не было времени написать статью. Моей дочери две недели от роду, и она плохо спит по ночам...

Я больше не могла это выносить.

– Оставьте человека в покое! – выпалила я и вырвала руку из отцовской хватки, а ноги сами двинулись к Беспутным Хулиганам.

Все четверо устремили на меня взгляды, и хотя все они были порядком удивлены, только на лице Трента читалось явное отвращение. Не обращая на него внимания, я указала на Рассела.

– Он же сказал, что сожалеет о случившемся. Зачем ему намеренно портачить? Да бросьте же, ему надо кормить семью.

– А мне нравится, – усмехнулся Коул и, качая головой, похлопал Спенсера по спине. – Подросток раздает указания. Мило.

Щеки залило густым румянцем. Вишес стоял с равнодушным видом, едва отметив мое присутствие. Затем вновь посмотрел на Рассела и шикнул на него вместо увольнения, а Трент, оскалившись, повернулся ко мне.

– Сегодня в компании детский день? Не припомню, чтобы получал уведомление.

В его голосе сочилось столько яда, что хватило бы для убийства кита. Я ответила ему суровым взглядом в приступе напускной уверенности, которую на самом деле не ощущала.

Ты потенциальная жертва. Его слова крутились в голове, подавляя все мои позитивные мысли о нем и его внешней привлекательности. Он сказал их мне всего несколько недель назад, но я уже почти позабыла о том, что он осложнит мою работу в этой компании.

– Эди поработает здесь какое-то время. – Джордан вновь прижал меня к себе, но на сей раз не как свою собственность.

– Кто это сказал? – переспросил Трент.

– Я сказал.

– Я на это не соглашался. Никто из нас не соглашался.

– Тем лучше, что я не спрашивал.

Отец вежливо улыбнулся, стиснув мою руку тонкими, сильными пальцами. Я не обращала внимания на боль. Затеяв с ним очередную ссору, я могла лишиться встречи с Тео в ближайшую субботу, и не могла так рисковать. Трент решительно направился к нам, и каждый его шаг посылал вибрации к моему телу, будто я плыла в беспокойной воде.

– При всем уважении к распространенной среди белых представителей высшего общества протекции родственникам, как и к желанию удостоить вашу недостаточно квалифицированную дочь работы, ради которой более достойные кандидаты готовы были убить, отмечу, что все значимые кадровые решения принимаются всеми партнерами, не так ли?

Он повернулся к друзьям, и те торжественно закивали, напрочь позабыв про бедного Рассела. Теперь я стала новой жертвой, с которой можно было позабавиться – бесхребетной и беспомощной. Мышкой, попавшей в логово жирного кота.

– Бога ради, Рексрот. Она будет ассистентом, а не менеджером по работе с клиентами.

Своим нетерпением Джордан делал только хуже. Он так сильно стиснул мою руку, что казалось, кости готовы были треснуть и прорваться через кожу.

– Она будет находиться на этом этаже и иметь доступ к нашей собственности. Мне плевать, если ее работа будет заключаться в том, чтобы чистить бананы на кухне. Завтра утром этот вопрос будет поднят на заседании совета директоров. И точка, – прорычал Трент.

Все взгляды были прикованы к нему, комната, полная негативной энергии, гудела от шока. Мьют заговорил. Произнес не то что пару слов, а несколько предложений. И притом случилось это из-за меня.

Наконец-то я его нашла. Человека, который был страшнее моего отца. Хотя не скажу, что искала. Если от Вишеса было много шума, то Трент Рексрот был тихим охотником. Он часами кружил вокруг жертвы и нападал, когда она меньше всего этого ждала.

Одинокая пантера. Дикая, тихая и хитрая. Взгляд его светлых, холодных глаз прошелся по моему отцу, как по навозной куче, и остановился на руке, которой тот мертвой хваткой сжимал мою. Я никогда не видела, чтобы на моего отца смотрели с таким презрением. Джордан ослабил хватку.

– Ты всерьез будешь бороться со мной из-за такой ерунды?

Отец от изумления потер гладко выбритую щеку костяшками пальцев.

Так я и думала. Он настолько привык к тому, как мы с матерью послушно склоняем головы в ответ на любую его прихоть, что я даже засомневалась, что сама была не в команде Рексрота. Мьют и впрямь был против моего присутствия, но я и сама не хотела здесь быть, а значит, мы были на одной волне. Трент остановился в считанных сантиметрах от отца, и я смогла ощутить его необыкновенный запах чистого тела и грязного секса. Чувственность, которую он

источал, пробуждала во мне желание заниматься грязными, запретными вещами. Мне становилось дурно от собственной реакции на него. Мысленно я взяла на заметку: нужно держаться от него подальше.

Трент опустил голову, чтобы встретиться с отцом взглядом, и мрачно прошептал:

– Я буду бороться с тобой не на жизнь, а на смерть из-за всего, чего угодно, Джордан. Даже из-за выбора сервиса по обслуживанию кофемашин, если потребуется.

Личная неприязнь. Казалось, атмосфера здесь отравляла душу. К счастью, Рексрот, по всей видимости, меня ненавидел, а Беспутные Хулиганы всегда поддерживали друг друга. Об этом в Старшей школе Всех Святых тоже ходили легенды, и я сомневалась, что они нарушат эту традицию ради меня.

– Ладно, – огрызнулся Джордан. – Обсудим в зале заседаний.

Взгляд Трента метнулся ко мне и застыл, когда его серые глаза встретились с моими голубыми глазами. Все вокруг замерло: и лай Вишеса, велевшего всем расступиться, и отец, который наконец отпустил мою руку и направился к Дину и Джейми, вероятно, за сочувствием и поддержкой.

– Ты мне не нравишься, – резко прошептал Рексрот.

– Я и не просила твоей симпатии, – пожала плечами я.

– Ты не будешь здесь работать. – Он рукой задел мое плечо, и сомневаюсь, что это вышло случайно.

Натянув на лицо слащавую улыбку, я стала взглядом блуждать по его лицу и груди, с одной лишь целью подразнить его.

– Хорошо. Окажешь мне услугу. Отец заставляет меня здесь работать. Бесится, что отвергла предложения пяти университетов Лиги Плюща. Напомните мне, мистер Рексрот, в каком престижном университете вы получили образование?

Такой удар ниже пояса должен был вернуть мне утраченное чувство собственного достоинства, но вместо этого я ощутила, как желчь, выстрелив из желудка, обожгла горло. В Годос-Сантосе Трент Рексрот был известен как герой головокружительной истории успеха, выросший в трущобах Сан-Диего. Он учился в дерьмовом муниципальном колледже, в который брали даже безграмотных, а после учебы работал дворником в кампусе. Это достоверные факты, которые он сам озвучил в интервью журналу «Форбс».

Неужели я и впрямь сейчас пыталась вызвать у него чувство неполноценности оттого, что он не родился в богатой семье? От этой мысли мне стало еще противней, чем от ношения маминых дизайнерских шмоток.

Трент с улыбкой прильнул к моему телу, к моей душе. Его ухмылка была страшнее любого оскала, сердитого взгляда или гримасы, которую я когда-либо видела. Она грозила разорвать меня на части, а потом склеить по кускам обратно, как только он пожелал.

– Эди, – его губы оказались в опасной близости от моего уха. По спине пробежала приятная волна мурашек. Внутри зародилось что-то теплое, жаждущее распутаться и расцвести оргазмом. Что происходит и почему, черт побери, это происходит? – Ты сейчас же развернешься и уйдешь, если не хочешь неприятностей.

Я посмотрела ему в глаза и ответила своей коронной улыбкой. Мне довелось родиться и вырасти в мире богатых, вселяющих страх мужчин. И будь я проклята, если сорвусь, как моя мать, ставшая зависимой от антидепрессантов, Гисси и мужчины, который в течение скоротечного, но великолепного десятилетия всюду ходил с ней под руку, а потом приберег для одних только публичных выступлений.

– Пожалуй, пойду искать свое рабочее место. Я бы пожелала вам хорошего дня, мистер Рексрот, да, кажется, поезд ушел. Вы несчастный человек. О, и на дорожку.

Я отыскала в маминой сумке батончик «Нейче Вэлли» и прижала ее ладошкой к его твердой, мускулистой груди. Сердце гулко трепыхалось внутри, словно запертая в клетке птица.

Я поспешила за отцом по широкому золотистому коридору. Оборачиваться я не рискнула. Понимала, что развязала войну, будучи неподготовленной. А еще испытала всплеск кайфа, как во время серфинга, от одной мысли: если я смогу забить последний гвоздь в гроб моего трудоустройства и вынудить Рексрота проголосовать против меня, то выйду сухой из воды.

У меня был отличный план. Оставалось только вести себя, как капризная соплячка. *Игра началась.*

Глава 4

Трент

Я обедал один.

Я рос единственным ребенком, потому что родители не могли позволить себе родить мне брата или сестру. И я уважал их решение, но из-за этого ужины в нашей семье не были шумными. И все же оттого не проходили в полной тишине.

Настоящее одиночество я познал, когда Луна перестала говорить. Это произошло через несколько дней после ее второго дня рождения. Данная ситуация уязвила мою и без того пошатнувшуюся уверенность в собственных родительских навыках. До тех пор мне было сложно воспитывать ребенка одному, но возможно. У меня были деньги и возможность нанять лучших нянь на свете. Если нужно было уехать из города, я мог положиться на родителей, своих друзей и их жен, которые всегда были любезны и обращались с Луной, как с родным ребенком. И в качестве бонуса я до того привык разбираться с дерьмом, которое то и дело подбрасывала жизнь, что даже не сильно удивился, когда Вал нас бросила.

Меня всю жизнь чего-то лишали.

Стипендии по футболу, когда я упал и сломал лодыжку, потому что засранец Тоби Роланд намазал пол возле моего шкафчика чем-то скользким.

Свободы, когда Вал огорошила новостью о своей беременности, хотя мы оба в равной степени несли за это ответственность.

И наконец, меня лишили счастливого ребенка, когда Вал свалила, оставив Луну со мной.

Но это? Последняя капля. Тишина. Она пожирала меня изнутри, и из нормального, тихого человека я превратился в расщепленного ублюдка мирового масштаба, которому нужен был только предлог дать волю гневу.

Я был молчалив, озлоблен, в полном смятении, и все из-за дочери.

После обеда я поднялся на пятнадцатый этаж в свой кабинет, готовый взяться за бесконечно длинный список дел, как вдруг замер на месте, увидев, что по другую сторону стола меня ждала Эди Ван Дер Зи.

Сидя в моем кресле.

Сложив ноги на крышке моего ноутбука.

Дерзко нацелив на меня свои каблук.

Скрестив руки на груди.

Венера в платье. Хитрая задница. И она нуждалась в том, чтобы ее спасли.

Не сегодня, милая. Я уже спасаю одну девчонку, и она не дает мне сидеть без дела.

Я бросил портфель на стол и ослабил галстук.

– У тебя три секунды, чтобы убрать ноги с моего ноутбука.

«Пока я не раздвинул их и не вылизал тебя так, что услышал бы весь этаж», – хотел добавить я, но сдержался.

– Я тебе не верю. – Она пристально посмотрела мне в лицо, будто пыталась взглядом содрать плотный слой притворства и добраться до истины. – В прошлый раз, когда ты вел обратный отсчет, ничего не случилось. Может, я и воровка, но вы, мистер Рексрот, – лжец.

В прошлый раз я спешил домой и дал ей уйти. Тогда я ненадолго встретился с матерью за ужином, пока отец присматривал за Луной. А сейчас у меня была уйма времени. Более того, до завтрашнего утра я был ее новым боссом, а она буквально напрашивалась, чтобы ее поучили послушанию.

Подойдя к столу, я схватил ее тонкую лодыжку, снял со ступни бежевую туфлю с фирменной красной подошвой Louboutin и отломил от нее сексуальный каблук. Полные ужаса

глаза Эди метнулись ко мне. Я убрал каблук в карман, словно пару сексуальных трусиков, и небрежно надел туфельку обратно на ногу Золушки.

– Равновесие, – голос под стать мне самому прозвучал угрожающе – ей нужно было усвоить этот урок, – самое важное в жизни. Я стараюсь не вести себя как сволочь без крайней необходимости, но мне кажется, ты пришла испытать границы дозволенного, да, деточка?

Ее хладнокровие развеялось, словно дым, сменившись острым отчаянием. Она вскочила с кресла и обошла стол, не забывая о сломанном каблуке и сжав руки в кулаки.

– Какого черта?! – Глаза Эди бешено металась. Ее ярость лилась через край, и мне хотелось ополоснуться ее чертовски милой злостью, испить из ее колодца печали. – Какие у тебя ко мне претензии?

– Никаких претензий. Ты вообще вне моего поля зрения. Я зашел в свой кабинет и застал тебя нагло развалившейся за моим столом.

Я бросил галстук на стол и до локтя закатал рукава рубашки.

– Я пришла сказать, что мне не нужна эта работа.

– Хорошо. Потому что ты ее недостойна, – отрезал я.

– В таком случае буду признательна, если ты скажешь, что проголосуешь против меня. То есть я и так знаю: ты это сделаешь, но мне будет гораздо легче, если услышу об этом от тебя.

– А я здесь не для того, чтобы тебе становилось легче. Чем плоха работа в «Чемпионс Бизнес Холдингс»?

Мне незачем было делать что-то ради нее, и все же по какой-то непонятной мне причине она стояла здесь. Поэтому решил пойти на уступку. Девушка наморщила нос. Я уже замечал за ней такую привычку.

– Я не могу здесь работать. У меня есть дела. Планы... другие планы на будущее. Так что можешь и другим сказать, чтобы проголосовали против моего трудоустройства?

– Похоже, что я стану выполнять твои указания? – Я медленно моргнул, самую малость удивившись ее наглости.

– Пожалуйста. – Ее голос звучал ровно, а горящие глаза смотрели в мои.

– Нет, – рыкнул я, взмахом руки заставив ее замолчать, и оперся бедром о край стола. – Никогда не умоляй, Эди. А теперь иди и приготовь мне кофе.

Она запрокинула голову и расхохоталась. Довольно-таки истерично. Девушки-подростки всегда полны эмоций и прочей чуши. И мне придется с этим смириться, потому что не пройдет и десяти лет, и Луна тоже станет подростком. Замечательно.

– Ни хрена я тебе не принесу.

– Хрена я и не просил. Я просил кофе.

– Я не твой личный ассистент.

– Твоя должность еще ниже. Ты офисная сучка, – спокойно ответил я, наблюдая, как взгляд Эди блуждал по венам на моих предплечьях, будто от этого зависела ее жизнь.

Я бы ответил смешком, если бы после этого не почувствовал себя извращенцем.

– Кто я? – переспросила она одними губами.

– Главный помощник, – кивнул я. – Такова твоя должность. Твой отец только что передал договор в отдел кадров и известил всех нас накануне завтрашнего заседания совета директоров. Главный помощник – это лишь тактичное название офисной сучки. Я могу попросить тебя о чем угодно в пределах разумного. Так что прошу принести мне кофе. Черный, без сахара.

Я почувствовал себя, по меньшей мере, отменным ублюдком за то, с каким наслаждением наблюдал за выражением ее лица. Она будто была сломлена, но только сейчас. Только в этот миг. Только из-за меня. Осознав все, она выпрямила спину и опустила подбородок.

Она все сделает. Будет выполнять мои указания, варить мне кофе, помогать мне убивать время и служить желанным развлечением.

В глазах Эди кружил водоворот эмоций. Ее глаза закричали бы, если бы могли говорить. Но они не могли. Поэтому передо мной стояла лишь крайне раздраженная девочка, которая недавно обзавелась сиськами и вдруг узнала, что жизнь – это не одно сплошное удовольствие.

– Давай-давай, – я дважды хлопнул в ладоши.

Я был не самым хорошим человеком на свете. Однако мне было приятно думать: хорошего во мне достаточно, чтобы напомнить Эди снять перед уходом туфли. Но не успел и рта раскрыть, как девушка развернулась и, ринувшись к двери, плашмя шлепнулась на задницу.

Единственным ее утешением в этой незавидной ситуации было то, что я не рассмеялся, а лишь облокотился о стол и молча наблюдал, как она встает и пытается устоять на нетвердых ногах.

Впрочем, я не спас ее от унижения, потому что она мне нравилась. А не пытался помочь подняться совсем по другой причине.

Я был возбужден до предела и выдал бы себя, если бы сдвинулся с места.

– Ты облажалась на первом уроке по равновесию. Неудивительно.

– А ты облажался по жизни, Рексрот!

Она пулей выбежала из моего кабинета с красным от стыда лицом.

Как только она ушла, я поправил свое хозяйство в брюках и отправил Соне сообщение.

Эди Ван Дер Зи становилась похожа на зуд. Но, к счастью, я планировал первым же делом поутру вычесать ее прочь из своей жизни.

* * *

Но вот наступило утро. Одно из тех, что напомнило мне, почему я так чертовски сильно ненавижу разговаривать с людьми. Утро, когда всюду царил суматоха, все галдели и атаковывали меня вопросами, жаждали моего внимания или о чем-то просили.

– *Мистер Рексрот, у вас на столе дело Дюрана-Декстера. Можете его подписать?*

– *Трент, у тебя конференц-звонок в три.*

– *Сможешь посетить благотворительное мероприятие в Пало-Альто на следующей неделе? Нужно, чтобы кто-то там присутствовал, а Джейми слишком занят с Мэл и малышом.*

– *Трент, почему Луна здесь?*

– *Рексрот, наши планы выпить в субботу в силе?*

– *Рексрот.*

– *Привет, Тирекс!*

– *Трент, дорогой...*

Я остановился прямо посередине холла, не обращая внимания на толпу коллег, и присел на корточки, чтобы быть на уровне глаз Луны. Голос от долгого молчания звучал хрипло. Дочь стояла с отрешенным взглядом и крепко держала Камилу за руку. Таскать ее в офис каждый вторник было ужасной идеей, но Соня упорно на этом настаивала, а я, черт возьми, экспертом не был.

– Как насчет тако на обед? – Я провел подушечкой большого пальца по щеке Луны и передал Камиле немного денег. – Своди Луну перекусить рогаликами, а потом приведи в мой кабинет.

– Зачем? А ты куда собрался?

В голосе Камилы послышался отчетливый испанский акцент, означавший, что она была мной недовольна.

Я собрался добиться увольнения восемнадцатилетней девчонки, ибо до того эгоистичен, что, стоит ей оказаться поблизости, могу не сдержаться и оттрахать ее прямо в кабинете ее отца.

– Заседание совета директоров. Оно не займет много времени. Проголосую по одному вопросу, и все.

Я погладил Луну по голове и, чмокнув ее в лоб, выпрямился и нежно сжал плечо Камилы.

Только развернулся в сторону своего кабинета, как стеклянные двери частного лифта разъехались, и в коридор вышел Джордан Ван Дер Зи в обществе дочери, следующей за ним по пятам. Он опять вел ее как осужденную преступницу, и я снова постарался не вспылить из-за этого. Сегодня Эди надела темно-синее платье в матросском стиле, которое на ее крохотной фигурке выглядело на размер больше, чем нужно. Длиной оно было до колена и весьма консервативно на вид, но все равно подчеркивало ее сногшибательные икры. Миниатюрная гимнастка, способная своей гибкостью удовлетворить запросы любого мужчины.

Вот это да. Завязывай-ка с этой хренью, и поскорее, ваше Извращенское Величество.

В присутствии отца она казалась совершенно другим человеком. Вдали от него она была уверенной в себе, беззаботной и становилась моей чертовой головной болью. А теперь? Взгляд потуплен в пол, только колечки в носу оставались слабым отголоском ее черного, мятежного сердца.

Тоже мне оторва.

Джордан кивнул мне в знак приветствия, и я отвесил кивок в ответ. Мы встретились возле золотых, изготовленных на заказ дверей, ведущих в зал заседаний. Сквозь стеклянные стены я увидел, как трое моих друзей нависли над длинным столом цвета бронзы и что-то обсуждали между собой.

– Измени свое решение. – Джордан разгладил галстук от Armani.

Слова прозвучали как требование, а не просьба. Черта с два. Я бы даже пластиковую ложку этому человеку не доверил, что уж говорить о моей компании. За полгода совместного ведения бизнеса он угробил четыре из пяти крупных сделок, которые я принес «Чемпионс Бизнес Холдингс». Намеренно ослабил все мои крупные счета, а потом открыто пытался назначить моим клиентам самых неопытных брокеров. Спустя всего неделю после начала партнерских отношений у меня с ним произошла первая неприятная встреча. Я выходил из кабинета и подслушал его телефонный разговор.

– Нет, только не Рексрота. Давайте отправим кого-то другого пытаться спасти счет Дрешера и Ферштейна, – сказал он тогда.

Именно я принес компании этот инвестиционный счет, спасибо тебе, черт подери, огромное. Я ждал, слоняясь за дверьми его кабинета, как герой сериала «Главный госпиталь»¹¹, и мне самому было от этого тошно.

– Он слишком... сам знаешь. Слишком закрытый. Слишком злой. И не особо разговорчивый. Хочу, чтобы он к этому счету даже не приближался. Попроси Дина поговорить с ними. Елене, их генеральному директору, понравится такой слащавый соблазнитель.

И началось. Тогда я понял: Джордан Ван Дер Зи не только был расистом, но и пытался выжить меня из компании. Но не тут-то было, его план бумерангом прилетит ему в голову.

Вишес, Дин и Джейми уже наполовину забросили корпоративные дела и появлялись на работе три-четыре раза в неделю, проводя большую часть времени со своими семьями. А у меня была только Луна. Но признаться честно, казалось, что даже ей больше нравилось проводить время с няней.

– А здесь ваши пути с дражайшей дочерью расходятся.

Я потянул ворот рубашки, так как из-за Эди чертовой Ван Дер Зи в кабинете стало градусов на десять жарче.

– Охотно.

Она достала телефон из сумочки и ушла.

¹¹ Американская телевизионная мыльная опера, которая выходит на канале ABC с 1 апреля 1963 года.

Джордан прошел в зал заседаний, и я с улыбкой шелкнул пальцами.

– Мне нужно подписать договор для счета Дюрана и Декстера. Сейчас вернусь, братишка Джорди.

– В глаза не видел такой счет.

Он нахмурил брови, потому что ненавидел, когда я так его называл.

– Именно, – ответил я и упругим шагом направился в свой кабинет подписать договор.

Закончив, наслаждался тем, что, как маленькую сучку, заставил Джордана ждать меня в зале заседаний. Я вышел в главный вестибюль на этаже, откуда вели два коридора с просторным конференц-залом между ними. Решив, что заставлю его подождать еще немного, резко свернул направо в комнату отдыха, дабы приготовить себе кофе в навороченной кофемашине, которой еще ни разу не пользовался. Было ли это мелочно? Да. Доставляло ли мне радость, что я причинил Джордану неудобства, вынуждая его ждать несколько лишних минут? О да.

Я потянулся открыть стеклянную дверь, как вдруг замер на полпути, заметив девчонок на кухне.

Луна. Камила. Эди. Все трое стояли вместе. И вид у них был... приятно взволнованный? Какого лешего?..

Эди заключила Камилу в объятия и уткнулась ей в плечо. Луна стояла рядом и наблюдала за происходящим большими наивными глазами. Впервые за долгое время ее заинтересовало что-то, кроме морских коньков. Эди обхватила лицо Камилы ладонями и вытерла с ее щеки слезы тыльной стороной руки. Она щеголяла в своих эмоциях, как в драгоценностях. Гордо и беззастенчиво. Это даже слегка притупило ненависть, которую я испытывал к ней за то, что она пыталась украсть у моей матери сумку несколько недель назад.

А потом Эди сделала нечто невообразимое, и вместе с тем совершенно естественное для девушки ее возраста.

Она наклонилась и с улыбкой провела рукой по завязанным в хвостики кудрям Луны.

Словно в замедленной съемке, она указала на мягкого голубого морского конька Луны и одними губами произнесла «ух ты».

На лице моей дочери расцвела робкая улыбка. Она никогда мне так не улыбалась. Я несколько раз моргнул, пытаясь оправиться от шока и осмыслить ее реакцию. Должно быть, Эди что-то спросила у девочки, так как та кивнула в ответ.

Кивнула. Она никогда не кивала. От реакции кивком оставался всего один шаг до того, чтобы озвучить свои потребности вслух, а Луна упорно старалась, чтобы я оставался в неведении.

Моя дочь была взволнована, внимательна и погружена в происходящее, чего большую часть времени с ней не случалось. Я застыл на месте, как вкопанный, не желая вторгаться в этот момент и развеивать волшебный туман, в который они были заключены.

– Эй, жополиций, что, от наркоты всю память сперло? Мы все ждем тебя в конференц-зале. – Дин вывел меня из оцепенения, хлопнув рукой по спине и нарочно громко чавкая жвачкой мне в ухо. – Присоединяйся к нам, пока Джорди не подвесил тебя за яйца, а Вишес не содрал с тебя кожу и не сделал новую оттоманку из того, что останется.

Я неохотно пошел за ним в зал заседаний, не отрывая взгляда от комнаты отдыха.

В конференц-зале я втиснулся между Дином и Джейми. Джордан сидел напротив меня с таким видом, будто от сердечного приступа его отделяла всего одна словесная перепалка.

– Симпатичные вены, – отметил я, указывая на его лоб, и выложил телефон из кармана на стол.

– Очень смешно, Рексрот. Обаяние помогло тебе проделать долгий путь в Беверли-Хиллз, в Тодос-Сантос. Но я вижу, что скрывается под ним, и не впечатлен, – прошипел он сквозь тонкие губы.

– Благодарю за анализ, доктор Стрейнджлав¹², – пожал плечами я. – А теперь давайте сделаем все максимально быстро и безболезненно, чтобы Джорди мог продолжить любоваться своим отражением в зеркале за четыре тысячи баксов, висящем в его кабинете?

– Давайте.

Джейми, у которого уже проступили темные круги под глазами, хлопнул по столу.

У них с Мэл, его женой, недавно родилась вторая дочь Бейли. Джейми был счастлив как слон, но уставший, как человек, которого наняли чистить слоновий загон.

Голосование началось с Джордана, и он, разумеется, проголосовал за то, чтобы его дочь осталась работать в компании. Затем настала моя очередь, и я своим ответом удивил всех, включая себя самого.

– Да.

– Да? – моргнул Вишес, одним взглядом спрашивая у меня «*что ты, черт возьми, затеял?*». – Ответ «да» означает, что ты голосуешь за ее трудоустройство, – медленно пояснил он мне, как идиоту.

– Я знаю, что это значит, козел.

Вишес, Джейми и Дин озадаченно переглянулись. Они собирались следовать моему плану, но теперь я его изменил. Джордан явно был не в своей тарелке, поочередно глядел на нас, всматривался в лица, пытаясь понять смысл происходящего.

Первым в себя пришел Джейми, потирая синяки под глазами.

– Пофиг. Мне все равно.

Настал черед Дина внести свою лепту:

– Если Трент не против, то и мне плевать, что она будет здесь работать.

Теперь Вишес. Он посмотрел на меня и слегка покачал головой в знак предостережения. *Я не хочу ее трахать, кретин. То есть хочу, но не буду.*

С другой стороны, к тридцати трем годам я ни разу в жизни не состоял в серьезных отношениях. Мои единственные отношения случились с беглой стриптизершей, которую я обрюхатил во время грязного переписа и которая оставила меня одного с ребенком. Возможно, я действительно заслужил такое предостережение.

Но пусть даже Эди Ван Дер Зи и была ходячей проблемой, похоже, что она нравилась Луне.

Возможно.

Вероятно.

Очень на это надеюсь, черт возьми.

Я понимал, мои действия были лишены смысла. Но мне было плевать. Пусть думают, что я тронулся умом. Мне же больше власти. Никто не любил связываться с сумасшедшими. С безжалостными? Почему бы и нет. С могущественными? Конечно. Но сумасшедшие были непредсказуемы, а это худшая черта человеческой природы.

Вишес приоткрыл рот, наслаждаясь тем, что держал всех в напряжении.

– Я голосую «за».

Она принята.

Друзья – мое племя, тщательно отобранная по индивидуальным запросам семья. Сказать, что мы поддерживали друг друга, – это ничего не сказать. Уже почти двадцать лет мы были слепо верны друг другу, и будем впредь. Когда один из нас бросался вперед, остальные были рады разделить ответственность.

Дин поднялся и собрал со стола все свое барахло.

¹² Доктор Стрейнджлав – персонаж из кинофильма 1964 года режиссера Стэнли Кубрика.

– А теперь прошу прощения, мне нужно позвонить жене. Она сегодня была на приеме у врача. Мазаль тов¹³, Джорди.

Вишес с Джейми встали следом и принялись обсуждать конференц-звонок с японцами, который должен был состояться завтра ни свет ни заря.

Мы с Ван Дер Зи остались одни в зале, окруженные лишь равномерным гулом кондиционера. Джордан постучал пальцем по своим тонким губам, раздраженно дергая ногой в такт.

Он ждал от меня объяснений. Могу заметить, напрасно. Добровольно выдавать информацию врагу было типичной ошибкой новичка, которую я усвоил задолго до того, как мои состоятельные, живущие безбедно друзья научились подтирать себе зад.

– Чувствуешь себя нерешительным сегодня?

Его вытянутое, костлявое, как у Волан-де-Морта, лицо скривилось от недовольства. Он выглядел как царь, а вел себя как тиран. Джордан считал, что вселял страх, и возможно, так и было, но не для меня. По мне, он только лаял, но не кусал.

Я пожал плечами и сложил ноги на столе, зная, что это выводит его из себя.

– Не-а, я никогда не возражал, чтобы твоя дочь здесь работала. Просто хотел заставить тебя понервничать. В твоём возрасте кардионагрузки очень полезны.

– Как заботливо с твоей стороны. Ты не из тех, кто попусту тратит время, и все же потратил уйму нашего времени зря. Поэтому, полагаю, ты изменил свое решение, так как это часть какого-то плана. Хочу внести ясность: я запрещаю тебе приближаться к моей дочери. Лучше тебе держаться от нее подальше.

Меня даже не оскорбило его замечание, потому что я действительно считал его юную дочь весьма аппетитной, и неважно, насколько это было дико и ненормально. В то же время понимал, что не стоит даже думать об этом. Она вела себя как ребенок. У меня уже был один. С детьми не больно-то весело, и их невообразимо сложно усмирять.

– Предположу, что остальным ты такое предостережение делать не будешь?

Я опустил голову, парируя его угрозу. Я и так не собирался трахать маленькую Эди, но ему было незачем об этом знать. Дергать за ниточки было моим хобби.

– Твои коллеги – джентльмены.

Мои коллеги перетрахаили столько женщин, что могли наплодить население страны средних размеров, но я не собирался спорить на эту тему. Во всяком случае, с ним. Я потянулся в кресле и зевнул. Может, я и правда был Мьютом, потому что единственный, кто никогда не говорил. Ни на собраниях, ни на корпоративах, ни для того, чтобы вращаться в нужной среде. Но я с радостью боролся за желаемое, если того требовала ситуация.

– Знаешь, Джорди, порой склоняюсь к тому, чтобы надавить на твои расистские наклонности. Ко мне ты относишься с целым ворохом предубеждений, которые не касаются моих светлокожих коллег.

Мой голос прозвучал непринужденно, и точно так же я себя чувствовал. Мне было плевать, если Джордан был расистом, лишь бы он мне не мешал.

Ван Дер Зи фыркнул, качая головой.

– Даже не начинай, Рексрот. Ты почти белый. Выглядишь так, будто любишь позагорать.

– Достаточно было просто сказать, что ты не расист, – заметил я.

– Как бы там ни было, – он поднялся из-за стола. – Держись подальше от моей дочери, если хочешь продержаться в этой компании до конца года.

Год назад Джордан согласился выкупить сорок девять процентов акций компании при условии, что оставшаяся часть будет поделена между нами четверьмя. Мы поступили так, чтобы перебраться в Тодос-Сантос и жить ближе друг к другу. Мы даже не подозревали, что Джордан окажется такой занозой в заднице.

¹³ «Мазаль тов» – фраза на иврите, которая используется для поздравления в честь какого-либо события в жизни человека.

- Твои пустые угрозы повергают в скуку. К тому же я и в первый раз тебя услышал.
- Да, услышал. Подтвердил ли, что услышал? Нет.
- Да вот где ваше подтверждение, сэр: иди к черту.

Я вынул руки из карманов и, показав ему средние пальцы на обеих руках, забрал со стола телефон и бумажник. Набрал Соню, дабы рассказать прекрасную новость о том, как Луна кивнула. Она взяла трубку после первого же гудка.

– Соня, повиси секунду, – я с ухмылкой посмотрел на Джордана, прижав динамик к груди. – Вот тебе совет, Ван Дер Зи: когда в следующий раз влезешь в бизнес с кем-то, убедись, что этот кто-то джентльмен. Я точно не джентльмен, и мне плевать, какой процент акций моей компании тебе принадлежит. И да будет известно – еще раз попробуешь мне угрожать, и я позабочусь о том, что ты в итоге будешь валяться в пыли и чередой финансовых потерь. Мы закончили, *партнер*.

Глава 5

Эди

Два дня.

Не целая жизнь, конечно, но и не минута. Прошло два дня с тех пор, как Трент Рексрот сломал каблук на любимых маминых туфлях, и честно признаться, я до сих пор была сбита с толку и дико возбуждена его поступком.

Наблюдать, как обесценивают дорогие вещи, было одним из моих любимых занятий, и при виде того, как ломается шикарная дизайнерская туфля, во мне зародилась дрожь удовольствия, пробирая до самых костей. В то же время я была рада создать дистанцию между мной и молчаливым говнюком.

Мне было некого винить, кроме себя. Я сама прямо попросила его не нанимать меня. Стоило знать: так я лишь пробужу его мелочность и желание сделать все мне назло.

Работа оставляла отпечаток на моем теле, душе и разуме. Мне приходилось каждый день вставать в половину четвертого утра, чтобы успеть позаниматься серфингом. После чего я по обыкновению раз пятьсот бегала за кофе для Вишеса (грубого и холодного), Дина (веселого и пошлого) и Джейми (вежливого и равнодушного). А потом начинала рабочий день в роли сучки секретарей и личных ассистентов. Отец не шутил: я забирала вещи из прачечных, держала в руках ворох галстуков, чтобы биржевые брокеры выбрали, какой надеть перед встречей, помогала с ремонтом, когда потек кран в мужском туалете. Мне поручали самые рутинные, отупляющие задачи.

Рексрот после того случая всячески меня избегал, не достаивая даже взглядом, когда незаметно крался по коридорам, словно, огнедышащий демон с искрящимся в светлых глазах мраком.

Во время обеденных перерывов, когда я в одиночестве сидела возле бизнес-центра и ела ramen из унылой коробочки, купленной мной в долларовом магазинчике в целях экономии, я размышляла, что повлияло на его поведение: моя выходка за его рабочим столом или же он считал меня не стоящей внимания чудачкой.

Это не имело значения. Значение имело лишь то, что теперь я была одной из многочисленных измотанных, перенапрягшихся ассистенток на побегушках у избранных, богатых, эгоистичных мужчин, которые всего за пару дней пробудили во мне желание совершить череду серьезных преступлений.

Ненавижу это место, этих людей, эту жизнь...

Я стояла в комнате отдыха и вертела в руках корзину с фруктами, которую каждый день доставляли на пятнадцатый этаж «Чемпионс Бизнес Холдингс» вместе со свежей выпечкой и свежесжатыми органическими соками, как вдруг в комнату вошла Камила с милой малышкой.

– Покажи, что хочешь съесть на обед, – Камила протянула девочке блокнот с изображениями продуктов. Моя старая нянечка подняла взгляд и, увидев меня, расплылась в улыбке. – Мы снова встретились, моя милая Эди!

Камила до хруста костей сжала меня в объятиях, и я ухватилась за нее, как за якорь. Им она и была во многих смыслах. Я твердо верила: некоторые люди приходили в этот мир для того, чтобы сделать его более сносным для других. Камила была одной из них.

– Плохо, что я завидую трехлетней девочке, потому что у нее есть ты? – пробормотала я в ее седые, мягкие волосы, дав слаbinу.

Камила со смехом отстранилась и провела пальцами по моему лицу, будто удостовераясь, что все на своих местах. Физически так и было.

– Ей четыре.

– Ой.

Я облокотилась на стол и внимательнее рассмотрела красавицу.

Мы виделись второй раз, и сегодня я заметила то, что не увидела в первый. Например, она одевалась, как мальчишка, будто пытаюсь скрыть, насколько хорошенькой была. Она сразу мне понравилась. Относилась к своей красоте, как к тайне, а потому тщательно выбирала людей, которым ее стоит открыть. Наверное, по этой же причине она была скупа на улыбки.

– А ты не болтушка, – заметила я и посмотрела на ребенка, морща нос.

Меня годами обсуждали в моем присутствии, а потому я усвоила, что дети все слушают, понимают и ненавидят, когда с ними обращаются, как с невидимками.

– Можно и так сказать. – Камила прокашлялась, бросила взгляд на корзину с фруктами и, схватив клубнику, отправила ее в рот. – Она не разговаривает.

Женщина жевала ягоду вместо того, чтобы продолжить.

– Да?

Я наклонилась и дала девочке пекан. Дети ее возраста едят пеканы? Я не знала наверняка, но она все равно взяла его и спрятала в карман.

– Я так и не спросила, как ее зовут, – спохватилась я.

– Ее зовут Луна, – слышался голос Камилы возле моей головы.

Она расчесывала мягкие, русые кудри девочки. Луна была обворожительна. В ней одной соединилось все прекрасное, что может быть в человеке. Смуглая кожа и голубые глаза. Они кого-то мне напоминали, но я не могла вспомнить, кого именно. Возможно, Адриану Лиму¹⁴ в детстве.

– Я – Эди, – я протянула девочке руку, но она ее не взяла. Ее отказ меня не смутил и не обидел. – Ладно, – я убрала руку. – Все равно мне твои микробы ни к чему.

Луна подавила фырканье.

– И вообще, не приближайся ко мне, ладно? Ты похожа на ковыряльщицу в носу.

Я любила детей. И не так, как их любило большинство моих сверстниц. Мне нравились упрямые и необузданные. Те, кому было непросто выражать свои чувства, кто ощущал себя заточенным в собственном теле. Возможно, потому что я видела в них себя.

Я подошла к другой стороне кухонного уголка и взяла из холодильника банку колы. Луна наблюдала за мной с ехидной ухмылкой на полных губах. Я открыла банку и приподняла бровь.

– Уверена, тебе не разрешают пить газировку, да?

Девочка помотала головой. В ее движениях читалась какая-то нерешительность. Будто она была не вполне уверена, как нужно двигаться и стоит ли вообще это делать.

– Если дам тебе немного, выдашь меня?

– Нет, нет, нет, нет, – вмешалась Камила и бросилась к нам, махая руками. – Ее отец убьет нас обоих. Боже упаси.

Я промолчала, потому что в мире Камилы «нет» означало «возможно». Вопрос лишь в том, насколько сильно на нее надавить. Луна переводила взгляд между нами, пытаясь понять особенности наших взаимоотношений.

– Мне нужно на секунду отлучиться в туалет. Можешь присмотреть за ней? – Камила руками разгладила длинную юбку и пиджак.

– Конечно, – кивнула я.

– И никакой содовой, – она пригрозила пальцем, стоя в дверях.

Я снова кивнула. Камила прекрасно знала: мне не стоит верить, но все равно посчитала своей обязанностью пригрозить пальцем и Луне.

– Seriously, Луна. Твой отец будет недоволен.

¹⁴ Адриана Лима – бразильская супермодель.

Само собой, как только няня ушла, губ Луны коснулась первая в ее жизни диетическая кола. Держа банку в руке, я дала ей сделать небольшой глоток и присела на корточки, чтобы уловить ее реакцию, когда пузырьки коснутся ее вкусовых рецепторов.

– Вкусно, правда?

Луна важно закивала, соглашаясь со мной. Я сделала большой глоток и посмотрела в банку сквозь маленькую дырочку.

– Ага, очень вкусно. Подожди, когда попробуешь пиво, – хмыкнула я.

– Ни к чему, потому что этого никогда не случится, – произнес жесткий голос у входа в кухню, и я обернулась с отвисшей в ужасе челюстью.

Черт.

В комнату отдыха, источая пятьдесят оттенков ярости, зашел Трент Рексрот, одетый в один из самых возмутительно сексуальных костюмов, что я когда-либо видела. Вообще я не была любительницей деловых костюмов, главным образом потому, что они нравились Джордану, а я по умолчанию ненавидела все, что он любил. Но глядя, как черная шелковистая ткань облегла высокое рельефное тело Трента, задумалась, как бы он выглядел в гидрокостюме. *Или без него.* Так или иначе, он бы оставил Бэйна и всех прочих парней на пляже Тобаго далеко позади. Я не знала, как именно он поддерживал тело в такой форме, но точно не за счет того, что просиживал на заднице с девяти до пяти, рассылая злобные письма и сердито глядя на всех, включая меня.

Я убрала банку от губ Луны и выпрямилась.

– Она...

Я обвела комнату взглядом, пытаюсь отвлечься или найти острый предмет, чтобы защититься, если он решит меня прибить.

– Моя дочь, – перебил он. – Да, моя дочь. Где Камила, черт возьми? – Он говорил, как Чудище из «Красавицы и Чудовища». Низко, хрипло и властно. Но я отказывалась забиться в угол и позволить ему меня запугать.

– Какой четырехлетний ребенок ни разу не пил колу? – упрекнула его я, взмахнув руками.

– Что, прости?

– Ты меня слышал, – я опустила ладонь Луне на плечо в надежде, что она ее не стряхнет. Не стряхнула. – Ну правда, что с тобой не так? Согласна, ей не стоит пить ее каждый день и даже каждую неделю. Но вот чтобы никогда? Почему? Газировка классная. Сладкая, шипит во рту и дарит радость. Правда, Луна? – Я подтолкнула девочку плечом.

Она неистово закивала, и теперь уже Трент ошарашенно уставился на меня. Шагнул вперед, переводя взгляд с меня на дочь.

Молчание. И неловкость. Какого черта вообще происходит?

– Да что? Что такое?!

Я потеряла самообладание, мечась между ними взглядом.

– Сделай это еще раз, – сказал он, по всей видимости, нам обеим.

– Что сделать?

Я потеряла шею рукой, пытаюсь разобраться в происходящем.

– Сделай так, чтобы она опять кивнула. Пожалуйста, – последнее слово он произнес нерешительно, будто признавал поражение.

Покусывая нижнюю губу, я уставилась на него, словно он только что прилетел из космоса в шляпе в форме ананаса и юбке из травы.

– Ладно... – Я наморщила нос, глядя на Луну. – Ну что, хочешь глотнуть еще колы?

Девочка кивнула и потянулась за банкой. Трент рассмеялся. Боже мой, он рассмеялся. И совсем не так, как он смеялся надо мной, когда поймал за попыткой ограбить его мать. Он смеялся так, будто наступил конец света, и его это совершенно не заботило. Будто этот офис не был адской бездной, а мы с ним не питали друг к другу ненависть. В его смехе слышалась

надежда, мелодичность, приятный уху звук, который пробрал меня до самого нутра и заставил сердце биться чаще. Колени подкосились, как тонкие ветки, и я едва не рухнула на пол от потрясения.

Он был таким... мужчиной.

Конечно, Вишес, Дин и Джейми тоже были мужчинами, как и восемьдесят процентов сотрудников на этаже. Но только Трент Рексрот выглядел достаточно серьезным и измученным, чтобы перейти через все в мире мосты и сжечь их дотла, лишь бы добиться своего. Только Трент Рексрот казался способным разрушить чужую жизнь, если бы всерьез захотел. Меня возбуждал страх, который он вызывал во мне. И меня это беспокоило. Очень сильно.

– Могу сделать так еще раз, – пробормотала я, отчасти от безрассудного желания снова услышать, как этот звук срывается с его губ, отчасти надеясь, что тогда он увидит во мне нечто большее, чем потенциальную жертву.

Он вскинул озорную, густую бровь.

– Давай посмотрим. Но никакой колы.

Я присела на корточки перед Луной и зашептала ей на ухо. Девочка наклонила голову и попыталась подавить смех своим крошечным кулачком. Восторжествовав, я подняла взгляд, чтобы оценить реакцию Трента. Но на сей раз он не улыбался. Я даже не была уверена, что он был способен испытывать чувства, которыми искрились его глаза.

На краткий миг что-то промелькнуло между нами, но я не знала, что именно. Он смотрел на меня с таким напряжением, что я ощущала его груз на плечах. Слово у меня была суперсила, которой он хотел обладать. Я испытала облегчение, когда Камила вошла в комнату отдыха, и поспешила выбросить банку из-под колы в мусорное ведро, когда Трент отвернулся к выходу.

– Мистер Рексрот! П-простите, пожалуйста. Я велела ей не давать Луне содовую. Я бы ни за что не оставила девочку с незнакомкой, – женщина запинаясь, лихорадочно переводя взгляд между нами, и прижала ладонь к щеке. – Луна, милая, пойдем. Понимаете, я восемь лет была няней Эди и очень хорошо ее знаю. И отлучилась я недалеко, в уборную рядом по коридору...

Вот это да. Видимо, он тот еще говнюк в роли начальника. Хотя мне не нужно было наблюдать реакцию Камилы, дабы понять, что он был бескомпромиссным типом. Трент отмахнулся, потеряв интерес к ее болтовне.

– Все нормально. Камила, можешь отвести Луну в игровую комнату на десятом этаже? Я сейчас спущусь.

– Конечно.

Тревога все еще омрачала каждую клеточку лица моей старой няни. Она подхватила Луну на руки и поспешила прочь из просторной кухни, то и дело оглядываясь на своего начальника-диктатора через плечо. Мы с Трентом остались одни, и, испытывая отвращение к самой себе, я почувствовала, как внутри все затрепетало, как обычно бывает перед первым поцелуем.

Одним быстрым шагом он вторгся в мое личное пространство. Осознав, что он выше меня на двадцать пять с лишним сантиметров, я шумно сглотнула.

– Злить меня – твоя главная цель в жизни? – Его голос прозвучал с безучастной интонацией бегущей строки, глухо и мрачно.

Я не растерялась, а только пожала плечами.

– Нет, но это приятный бонус.

Он улыбнулся. В его улыбке скрывалась угроза. Его запах творил глупости в моей голове. Пробуждал в моем теле места, которые, как оказалось, были способны испытывать тянущую боль, и уводил мой разум в неверном направлении. Я с усилием сглотнула и сделала шаг назад. Трент проигнорировал мою мольбу дать мне больше пространства и снова сократил разделяв-

шее нас расстояние. Я уперлась поясницей в холодный, темно-желтый стол. Почему все здесь было золотым и испорченным?

– В субботу у Луны в детском лагере пройдет вечеринка Веселого Феликса. На пляже Тобаго. Я хочу, чтобы ты пришла.

Его просьба была прямой и грубой. Как рука, которой он уперся в стол у меня за спиной, когда навис надо мной. Я замотала головой.

– Я... Я не могу.

– Думаю, ты не поняла, Эди. Я не зову твой малолетний зад на свидание в семейный ресторан. Вопрос не обсуждается. Это входит в твои должностные обязанности. Почитай договор. Согласно четвертому пункту четвертого раздела ты каждый месяц обязана отрабатывать несколько дополнительных часов, в том числе в выходные. Коммерческая сделка. Ничего более.

– Это ты не понимаешь. – Я сжала руками столешницу стоящего позади меня стола, пока не побелели костяшки пальцев, отчетливо осознавая, что его правая рука была в паре сантиметров от моей. Мысль прикоснуться к нему была безумной и заманчивой. Даже соблазнительной. – Я не работаю по субботам. Субботы полностью в моем распоряжении, я провожу их за пределами города в Сан-Диего. Могу без проблем работать по воскресеньям. Но только не по субботам, – я с трудом проговорила каждое слово.

На напряженном лице Трента не дрогнул ни один мускул. Его губы были так близко к моим, что я сама засомневалась, то ли я все придумала, то ли между нами и правда формировалось нечто иное. Наши тела не соприкасались, но я чувствовала, как его грудь движется в такт дыханию. Такая близость напрочь лишила меня привычной язвительности, за которой я всегда пряталась, как за мантией, чтобы никого к себе не подпускать.

Пожалуйста, подойди ближе. Пожалуйста, держись подальше.

– Почему? Что происходит по субботам?

Его челюсть была словно из гранита, а глаза из титана. Если бы не его неприступный вид, я бы поддалась своему желанию и погладила по колючей щеке.

Я посмотрела ему в глаза.

– При всем уважении, это не должно тебя беспокоить.

– Я и не беспокоюсь. Просто пытаюсь понять, насколько ты безрассудна, потому что строю планы для тебя и моей дочери. Похоже, она по какой-то причине прониклась к тебе симпатией.

Я замялась, поморщившись.

– С чего ты взял, что я безрассудна?

– Ты отклонила приглашения университетов Лиги Плюща, чем хвасталась вслух, грабила прохожих среди бела дня на людной набережной, в первый же рабочий день вывела из себя самых влиятельных людей штата, и список можно продолжать. А притом, что мы едва знакомы, готов поспорить: я накопаю гораздо больше разной хрени, если копну глубже, – проговорил он, расстегивая верхние пуговицы рубашки.

Его слова ранили, как лезвие ножа.

Но я кое-что заметила. Например, он уже второй раз снял галстук и ослабил ворот рубашки в моем присутствии. И возможно, это означало, что ему становилось жарко, когда мы вместе оказывались в тесном пространстве.

Я потупила взгляд в пол, пытаюсь отвлечься от мыслей, которые зародились в моей голове, едва он расстегнул воротник.

– Вплоть до минувшей недели я работала инструктором по серфингу. Ну да, граблю людей. Но не только потому что... – Я замолчала, пытаюсь подобрать верные слова, чтобы не сболтнуть лишнего. – Слушай, у меня нет выбора, ясно? И поверь, пусть мой отец при деньгах, это не значит, что мне достается хотя бы цент от его состояния. Я не клеptomанка, потому что

стараюсь выбирать только определенный тип людей. Богатых. Тех, кто не испытывает нужды в деньгах на оплату электричества и покупку еды, – добавила я, потому что для меня это имело значение.

– Черт возьми, браво, Робин Гуд. Вкратце сообщаю: еще пятнадцать лет назад моя мать не смогла бы оплатить счета за электричество, если бы ты украла у нее кошелек. Завязывай с праздными суждениями. Это неуместно.

– Сам не забывай это делать – ты сейчас опрометчиво счел меня безрассудной, – заметила я.

– Потому что ты такая и есть. Сомневаюсь, что ты подойдешь для общения с Луной.

– Я и не участвовала в конкурсе на эту работу, поэтому невелика беда.

Трент отскочил от меня с пугающей скоростью. Он одарил меня холодным взглядом с ухмылкой на лице.

– Ты придешь на вечеринку. Обсуждению не подлежит, Ван Дер Зи.

– Хватит, – возразила я и, прихватив телефон со стола, направилась к двери. – Я вижу, что ты пытаешься сделать. Мне нравится Луна, и я согласна быть рядом с ней даже в сверхурочное время, без проблем. Но на моих условиях. И в идеале, чтобы тебя при этом не было рядом. Камила – замечательная женщина, но вот мы с тобой не ладим.

Трент уже собрался что-то ответить, но в комнату отдыха вошел Дин Коул. Он взял тарелку и, безразлично глядя на красочную корзину, нагрузил ее таким количеством фруктов, от которого и слон бы задавился.

– Привет, дружище.

Он вонзил шпажку в кусок арбуза, засунул его в рот и принялся громко жевать. Трент повернулся к нему лицом и одарил хмурым взглядом, который без слов вопил «пошел к черту». Но Дин невозмутимо продолжил:

– Думаю, на правах лучшего друга я должен тебя справедливо предостеречь. Клеить дочь своего бизнес-партнера, которая едва ли не в дочке тебе годится, очень неразумный ход. Мы с того конца коридора заметили, что между вами царит напряжение, а всем известно: чаще всего ненависть превращается в кое-что другое. Так что вот мой совет: прячьте письки, детишки. Сейчас же. Черт побери. – Дин озвучил свою мысль с радостной улыбкой на лице.

Любой сторонний наблюдатель, увидев его с той стороны стеклянной двери, подумал бы, что он обсуждает погоду или футбол. Я перевела глаза с одного мужчины на другого.

Трент, поджав губы, одним взглядом прокричал Дину то, что тот явно смог понять.

– Понял, чувак. Просто предупреждаю, – Дин поднял ладонь в притворном поражении.

Я извинилась и поспешила прочь из кухни, оставляя мужчин сверлить друг друга взглядами. Но не успела уйти, как Трент схватил меня за руку. В отличие от отца он сделал это нежно и прошептал мне на ухо:

– Что ты сказала, чтобы рассмешить Луну?

Я закрыла глаза и, потянувшись к его шее, задержала дыхание, дабы не вдыхать его запах и не распалить мою крепнущую зависимость.

– Я сказала, что ее папочка – чопорный придурок.

Я не стала оборачиваться, чтобы узнать, кто из них победил в игре в гляделки.

Это не имело значения, ибо проигравшей была я.

Я проигрывала свое здравомыслие, логику и разум.

Преимущество было не на моей стороне, а значит, мне нужна была быстрая победа, если я хотела сбежать с Тео. А я хотела. Очень.

Глава 6

Трент

– Есть новости?

Я снял рубашку, и она с глухим шорохом упала на мраморный, как в соборе, пол. Аманда машинально сняла платье, как делала большинство вещей. Она бросила цветастый предмет гардероба на коричневую стеганую спинку стоявшего в моей спальне кресла с подголовником и взглянула на очертания Годос-Сантоса сквозь панорамные окна.

Я понимал, что было неразумно подобным образом выстраивать отношения с частным детективом, которого я нанял, чтобы выследить бросившую моего ребенка женщину. А еще понимал, двойная игра с ней и терапевтом моей дочери может привести к губительным последствиям. И все же мне всегда нравился бардак, а смешивать работу с удовольствиями – и вовсе прекрасная идея, когда ты не против шумных ссор и умеешь использовать удовольствие в своих интересах.

Аманда усердно работала на меня. Соня виделась с Луной вдвое чаще, чем с любым другим ребенком в клинике.

Но меня к ним тянуло кое-что еще – удобство.

По мнению моей семьи, родителей и друзей, я не притронулся ни к одной девушке, с тех пор, как Вал сорвалась бог знает куда, и мне хотелось, чтобы они продолжали так думать. Я не хотел, чтобы они считали, будто я в поиске, и попытались свести меня с какой-нибудь женщиной. Не хотел, чтобы они следили за мной и твердили, как чертовски плохо быть одному и что мне нужно остепениться.

К счастью, Аманда и Соня видели во мне лишь сексуальное тело, которое выплачивало им щедрый гонорар и так грубо и жестко их трахало (с резинкой – урок усвоен), что они потом неделю приходили в себя. Аманда расстегнула белый кружевной лифчик и спустила лямки по рукам. Они божественно смотрелись на ее темной коже.

– Пока ищу, – пробормотала она и зажгла зажатую между ее розовых губ сигарету.

– Где теперь?

– В Бразилии. Пытаюсь выяснить, не остановилась ли она у кого-то из родственников.

Мать Вал жила в Чикаго. Она сбежала из Рио от истязавшего ее мужа, когда Валенсиане было три года. Шансы отыскать мать Луны в Бразилии были невелики, но за три года о ней не было никаких вестей, а я искал ветра в поле. Проблем с деньгами не было, но я все равно испытывал странные чувства, тратя их на такое сомнительное дело. Я неутомимо разыскивал Валенсиану с тех пор, как она решила удрать. Но меня беспокоил вовсе не ее побег, я уже давно разочаровался в ней, как в матери. Я хотел сделать все официально. Хотел, чтобы она передала мне полную опеку. Если бы Вал решила вновь ворваться в мою жизнь (а это было вполне возможно, так как она любила деньги, которых у меня было в избытке), то, увидев, что Луна не разговаривала в возрасте четырех лет, легко могла использовать этот факт в свою пользу. Потому что, забрав Луну себе, Вал получила бы достаточное количество алиментов, чтобы утолить свою любовь к дорогим дизайнерским вещам.

А единственное, чего я никогда бы не допустил и не смог пережить, – это если бы кто-то отнял у меня моего ребенка.

Аманда встала рядом со мной возле окна, так и не сняв туфли на низкой шпильке. Карибская богиня, которой и самой не хватало времени на мужей и детей. Она подошла к моему мини-бару: то была вещица в духе девяностых, но в юности я был беден и мечтал о нем, а взрослый Трент отчасти работал ради того, чтобы воплотить мечты юного Трента. Аманда достала бутылку лимитированного виски «Джеймсон». Я выпивал нечасто, но решил, что после сего-

дняшней стычки с малолеткой и отказа этой засранки немного выпивки не помешает. Аманда села на кровать и похлопала ладонью по шелковой простыне. Я сел рядом с ней и прижался головой к ее голой груди, и она стала прямо сверху лить виски мне в рот.

– Мне кажется, стоит сказать тебе, Рексрот, что ты, возможно, никогда не найдешь Вал. Плевать, даже если ты перейдешь границу с Мексикой, а тем более двинешься дальше к югу. Вал не нужны были даже одноразовый мобильник, поддельная почта из даркнета и вычурное выдуманное имя. Она вполне могла просто метнуться в прибрежный городок и поселиться у подруги или подыскать случайную работу. Все, что ты для нее покупал, она продала еще до исчезновения и получила приличную сумму на содержание ребенка – ей надолго хватило бы этих денег.

Я почувствовал, как виски обжигает горло, и задумался, как Дин смог в прошлом быть алкоголиком. Выпивка вгоняла меня в депрессию. К тому же оказалось, спьяну я творю глупости. Например, пишу заметки о своей дочери и показываю их ее психотерапевту. Я вынул сигарету изо рта Аманды, зажал ее губами и, запрокинув голову, выпустил вверх струйку сладко пахнущего дыма. Мою грудь окутала пелена ее угольно-черных волос, когда женщина наклонилась поцеловать мое голое плечо прямо поперек татуировки, которую я набил перед поступлением в колледж. Те времена я просиживал дома со сломанной лодыжкой, и главной моей целью было убить время.

– Черт, – таков был мой хитроумный ответ на ее короткую речь.

Я уже был возбужден. Аманда пососала кожу у меня на шее и заявила о своих намерениях, укусив за плечо. В комнате был слышен только гул кондиционера, и я прислушался к шуму извне. Луна уже крепко спала в другом крыле пентхауса в спальне, соседствующей с комнатой Камилы. Она никогда не увидится с Амандой. Никогда не узнает, чем ее папочка занимался по ночам.

– Оставь ее, Трент. Найди хорошую женщину, которая сможет позаботиться о твоём ребенке. Буквально любая свободная женщина, у которой есть пара глаз и яичников, охотно станет кандидаткой на эту роль. В тебе есть все, что нужно, – сказала она.

Я зажал сигарету зубами, стянул с ее бедер белые стринги в цвет лифчика и, засунув в нее сразу три пальца, продвинулся к точке G, медленно ее потирая. Она не успела даже опустить задницу обратно на простыни. В тишине комнаты раздался ее стон, когда я прижал большой палец к клитору и, массируя его, начал ее заводить.

– Сегодня будет больно, – предупредил я.

– Почему? – промурлыкала она, тотчас возбуждаясь от этой мысли. – Кто вывел тебя из себя на этот раз?

Имя вертелось на кончике языка, но, озвучив его, я бы признал, что Эди засела в моих мыслях. Она была юна. Чертовски юна. Но даже если бы меня не беспокоил ее возраст, а он меня беспокоил, ее тело балансировало на грани между зрелостью и юностью. Оно еще не реализовало весь свой потенциал, не обрело все выраженные изгибы. Я всерьез относился к «Чемпионс Бизнес Холдингс» и строил планы для этой компании. И в эти планы не входила ни Эди, ни ее мстительный папаша. А потому она была для меня опасностью, погибелью и чертовски отвлекала.

– Никто, – я провел языком вдоль горла Аманды и посмотрел на нее. Она не ждала моего поцелуя. Никто не ждал. – Неважно. – Я озвучил ложь, в которую сам хотел верить. Ложь, которую возвращал своим разумом, телом и всем, что осталось от моей души.

Ложь, которая станет правдой. Должна стать.

Эди

Будильник на телефоне прозвенел с таким энтузиазмом, какой я в четыре утра разделить не могла. Подъем среди ночи не отвечал моим представлениям о веселье, зато им отвечал серфинг. Так что я стиснула зубы и стала убеждать себя: все это временно, хотя у меня даже не было повода так думать.

Зевая, я потянулась на кровати, глаза неспешно начинали фокусироваться на обстановке. Розовые стены. Две люстры. Белая отреставрированная антикварная мебель, доставленная из Италии. Все в моей комнате внушало, будто я счастливая девчонка-подросток из группы поддержки. Никто не смог бы даже заподозрить, что эта комната воплощала клетку и образ, который я должна была представлять. Никто не знал, что мне приходилось прятать свою доску, которой я пользовалась каждый день, воск и прочее снаряжение для серфинга в шкаф, дабы кто-нибудь вдруг не узнал, что я не ледяная принцесса.

Серфинг не считался достаточно престижным занятием, чтобы быть одобренным для Ван Дер Зи.

Мои доски для серфинга были спрятаны в одном из гаражей под плотной коричневой тканью, где гости даже случайно не могли их увидеть. Все семейные фотографии, которые я повесила на коралловые стены, были в тот же день сняты, и только торчащие из стен гвозди служили доказательством тому, что когда-то эта комната была моей и даже уютной.

Никто ничего не знал обо мне настоящей, потому что я была неидеальна. А Ван Дер Зи были идеальны.

По крайней мере, снаружи.

Мы были как «Семейка Брэди»¹⁵, только без уймы детей. Все светловолосые, красивые и с широкими белоснежными улыбками.

Я надела оранжевое бикини, такого же цвета гидрокостюм, черную толстовку с капюшоном и отправила сообщение Бэйну. С тех пор, как у меня появилась эта тупиковая работа, нам не удавалось кататься вместе, но я все равно предлагала ему присоединиться. Кататься в полной темноте было отстойно, и к тому же гораздо более опасно. Но у меня не было особого выбора. В семь утра начинался мой рабочий день, и освобождалась я только в семь вечера. А закончив с работой, должна была проведать маму, приготовить ей поесть и убедиться, что у нее все хорошо. В конце концов, кто-то должен был это делать, и безусловно, это был не Джордан.

Я зашла на кухню за банкой кокосовой воды и батончиком мюсли. В каждом углу поблескивали гранитные столешницы кроваво-красного цвета и стальные кухонные принадлежности. Кухня была моим любимым местом в особняке, потому что отец редко сюда забредал. Когда он бывал дома, одна из домработниц приносила еду прямо ему в комнату. А если он все же спускался, то только чтобы приготовить маме чай, кроме которого, казалось, ничто было не способно успокоить ее тревожный разум.

– Мам? – испуганно воскликнула я, увидев хрупкую, ссутулившуюся фигуру, облаченную в кремовый шелковый халат. – Почему ты не спишь?

Она сидела за мраморным обеденным столом, буравя взглядом статью в местной газете. Я подошла к ней и чмокнула в макушку.

– Эй, – тихо обратилась я. – Не спится?

– Кто такая Эйприл Левенштайн?

Она ткнула пальцем с тщательно обгрызенным ногтем в фотографию, на которой отец обнимал молодую деловую женщину. Оба улыбались в камеру на одном из торжественных

¹⁵ «Семейка Брэди» – американский комедийный телесериал 1969 года.

мероприятий «ЧБХ». Мама провела пальцем поперек снимка, размазывая чернила на их лицах. Я терпеливо вздохнула, расслабив плечи.

– Эйприл работает в бухгалтерии на седьмом этаже. Она замужем и на пятом месяце беременности. Тебе не о чем волноваться. Ложись спать.

Мама повернулась ко мне. Ее губы были неестественно пухлыми, кожа после бесконечных инъекций слишком туго облегла лицо, а в покрасневшихся глазах крылась история очередного несбалансированного коктейля из лекарств, которые придется заменить и выписать заново.

– Ты ведь сказала бы мне, если бы узнала, что он изменяет, – она вцепилась в ткань моего гидрокостюма, сжала ее в кулаки и потянула меня к самому лицу.

Я беспечно пожала плечами в ответ.

– Конечно.

Ни за что на свете.

Лидия Ван Дер Зи дошла до такого состояния, что не могла смириться с простым известием о том, что наш бассейн будет закрыт на все лето для прочистки. Но я говорила ей то, что она хотела услышать, так как ложь во благо вела к относительно мирному сосуществованию с ее формой неустойчивого состояния. Не для нее, а для меня, конечно.

– Как дела на работе, моя милая девочка? – Она отпустила мой гидрокостюм.

Я покосилась на висевшие над холодильником часы, понимая, что должна хотя бы составить ей компанию. Я уселась рядом с ней и, открыв банку с кокосовой водой, поднесла ее к губам.

– Нормально. На роль партнеров Джордан выбрал главных ублюдков в городе. С нетерпением жду, когда он найдет новое детище и начнет посвящать ему все свое время.

«Чемпионс Бизнес Холдингс» была просто очередной петлей на отцовском ремне. Он уже скупил и захватил столько компаний, что я сбилась со счета. С каждым своим бизнесом он обращался как с требовательной любовницей: в первый год давал все, что нужно, а потом, едва ему наскучивало, оставлял заботиться о себе самостоятельно, а сам находил новую интересную затею.

– Об этом мне неизвестно, – пробормотала мама, покусывая пухлую нижнюю губу. – Ему приятна мысль о том, чтобы тереться в кругу Барона Спенсера и ему подобных. Они видные фигуры в Тодос-Сантосе, а он хочет баллотироваться на пост мэра.

«Чемпионс Бизнес Холдингс» располагался в Беверли-Хиллз, в огромном Лос-Анджелесе, а мы жили в Тодос-Сантосе. А Тодос-Сантос был мал. Пугающе мал (смотрите также: я нечаянно пыталась украсть сумку у матери моего босса).

Поэтому маме ни к чему было напоминать мне, что Трент Рексрот был важной фигурой. В последнее время я поймала себя на том, что одержима мыслями о нем и в офисе и за его пределами. Поэтому про себя отметила: нужно отталкивать его всякий раз, когда он оказывался поблизости.

– Твой отец странно себя ведет. Опять изменяет, я уверена в этом. Думаю, на этот раз все серьезно.

– Сомневаюсь.

Я улыбнулась ей в знак утешения. Мои сомнения касались того, что все серьезно, а не его измен. Он точно изменял.

Мама устало потерла щеку.

– Он никогда раньше не уезжал в командировки так часто и надолго.

– Может, готовится к должности мэра. Встречается со спонсорами и бла-бла-бла.

Хотя он уже довольно давно не говорил о своих политических стремлениях, а значит, не думал о них. В жизни Джордана Ван Дер Зи была только одна настоящая любовь – звук его собственного голоса.

Дверь в кухню тихо приоткрылась, и я машинально обернулась, готовая открыть ящик и гнать ублюдка прочь с ножом для мяса в руке. Увидев, что на дверной косяк оперся сам дьявол, я выдохнула, но понимала, расслабляться не стоит.

– Тоже не спишь? Что с вами такое? Уже половина пятого, – пробормотала я, сжимая в руке банку с водой.

Близилась выходная, и мне не хотелось злить Джордана. Мне была необходима субботняя встреча, поэтому было критически важно играть по правилам.

– Нам с Эди нужно кое-что обсудить. Возвращайся в постель, Лидия. Приготовлю тебе чай через минуту.

Его недовольство было адресовано матери, но вызывало во мне все то же болезненное жжение.

Она встала из-за стола и, словно призрак, смиренно пошла в комнату. Каждый ее шаг кричал о пренебрежении, заброшенности и слабости. Моя мать вынесла достаточно дурного обращения, чтобы сломаться, но недостаточно, чтобы я заявила об этом в полицию. *«Равновесие, – сказал Рексрот, – самое важное»*. И как же он был прав.

Я закрыла глаза и сделала глубокий вдох.

Ты не слетишь из-за этого с катушек, Эди. К черту серфинг, его эгоистичные игры и отстаивание своего мнения. Смотри шире.

Джордан вырвал банку с кокосовой водой из моих рук и вылил содержимое в одну из двух огромных раковин на кухонном острове.

– Я вообще-то это пила, – в каждом моем невинном слове скрывалось смертельно опасное количество злости.

– Больше не пьешь. И еще этот серфинг... ты из-за него похожа на хиппи. Ван Дер Зи пьют кофе по утрам. Он поддерживает нас в тонусе.

– Ты дважды в день делаешь маме чай, – улыбнулась я.

– Твоя мать не Ван Дер Зи. Ее главное достижение – брак с одним из них.

Я не знала, как ответить ему, не развязав при этом третью мировую войну, поэтому промолчала.

– Нам нужно поговорить, Эди.

– Я думала, это мы и делаем.

Отец подался вперед, упершись локтями в стол. Мрачное выражение его лица подсказывало, что он снова во мне разочарован, и черт его знает почему.

– Я видел, как ты вчера общалась с Рексротом в комнате отдыха. Весь этаж видел.

Мой взгляд метнулся к нему, рот потрясенно приоткрылся прежде, чем я успела сформулировать ответ. Если отец заподозрил о флирте с Рексротом, то это будет поводом лишиться меня всего, что осталось и что дорого мне. Я не могла этого допустить.

– Послушай... – начала я, но он перебил меня взмахом руки.

– Не может быть, чтобы моя дочь была настолько глупа, чтобы клюнуть на его примитивное обаяние. Я знаю это, Эди.

Джордан надел галстук и начал завязывать его, даже не глядя в зеркало. Я облокотилась на спинку стула и сложила руки на груди.

– Но я видел, как он на тебя смотрел, как наклонялся к тебе. И то и другое было неприемлемо, учитывая вашу разницу в возрасте и твое недавнее трудоустройство в компанию. Не знаю, что у Трента Рексрота на уме, но чего бы он ни добивался, он своего не получит. А ты достаточно хорошо знаешь своего отца, чтобы понимать, каковы будут последствия общения с ним, так ведь?

Джордан собирался убрать Трента Рексрота? Я бы не стала это исключать. Он был совершенно неменяем, когда вставал вопрос о репутации его семьи, и «репутация» в данном случае – ключевое слово. Любовь, чувства и общее благополучие в его мире были расход-

ным материалом. От понимания, что этот разговор может повернуть во множестве неверных направлений, возникло неприятное чувство, которое сперва обосновалось в животе, а затем поднялось к груди и сдавило горло. Сердце было завалено грудой несдержанных обещаний и несостоявшихся счастливых моментов. Целая пустыня надежд и мечтаний, которые невозможно воплотить без Тео.

– Рексрот меня не интересует, не трать время впустую, предупреждая на его счет, – ответила я, выковыривая песчинки из-под расслоившихся ногтей.

Они всегда там были, сколько бы я их ни вычищала. И честно признаться, мне нравилось, что они там. Песок напоминал мне об океане, серфинге и *свободе*.

– Ты бы хотела, чтобы я поднял твою часовую ставку?

Отец, словно тяжелая машина, накренился вперед, взял мою ладонь в руки и сжал ее, как робот. Его холодная и сухая на ощупь кожа служила превосходной метафорой тому, каким он был человеком. Я тщательно подбирала слова, взглядом следя за его руками, за тем, как неестественно они выглядели и ощущались.

– Что тут скажешь, ты выплачиваешь мне минимальную ставку.

– А хочешь, я устрою все так, что ты смогла бы видаться с Теодором каждую субботу, *а еще* в среду вечером раз в две недели? – продолжил он с хитрой улыбкой.

Теодор. Не Тео. Он никогда не называл его Тео.

Пальцы задрожали от желания вырвать руки из отцовской хватки. Они тряслись от стремления снова прикоснуться к Тео. Почувствовать его лицо в моих ладонях. Его смех на коже. Его душу рядом с моей. Но в то же время я достаточно хорошо знала Джордана и понимала, что наживка, которую он мне забросил, отравлена. Руку все еще жгло от его прикосновения. Мне хотелось вымыть ее с мылом, скрести, пока не слезет верхний слой кожи. Он наклонился еще ближе, дыша мятной пастой и ядом.

– Мне нужна твоя помощь, Эди. Нужно выполнить кое-какую работу, и ты идеальный кандидат.

– Я слушаю.

– Трент Рексрот. Хочу, чтобы ты разнюхала кое-что о нем. Выясни, чем он занимается.

– Зачем?

Не нужно быть гением, чтобы понять: эти двое ненавидели друг друга. И все же мой отец собирал врагов, как иные люди коллекционируют марки и рождественские открытки. С усердием и любовью. Любого могущественного человека, который встречался на его пути, отец клеймил, воспринимал и признавал национальной угрозой. Термин «эгоцентрист» был придуман и введен в употребление специально для него. Джордан Ван Дер Зи без труда был приветлив с менее почтенными, богатыми и важными, чем он, людьми. Но стоило стать для него конкурентом или препятствием, он был готов дважды переехать неудобного, лишь бы удостовериться в своей безопасности.

– Меня раздражает его молчаливость, и он всегда действует против меня. Он что-то задумал. И я хочу знать, что именно. Хочу знать все, что только можно обо всем, что он делает за закрытыми дверями своего кабинета. Хочу знать, по каким дням он водит свою дочь к психотерапевту. Хочу знать его расписание. Где его сейф, где он хранит свои файлы и айпад. Хочу. Знать. Все.

Джордан явно считал, что Трент Рексрот замышлял сомнительные дела за его спиной. Вражеский захват или, быть может, внезапный налет, из-за которого пострадает его любимая инвестиционная компания.

Трент Рексрот, несомненно, производил впечатление человека, склонного к фанатичному контролю. Возможно, Джордан беспокоился не напрасно. Но это не имело совершенно никакого значения. Потому что, как бы сильно мне ни хотелось отказываться от встреч с Тео по средам, я все же не хотела закопать себя еще глубже, позволяя отцу так мной управлять. Один

бес – что так, что эдак. Либо он врал, что даст мне проводить больше времени с единственным важным для меня человеком, либо говорил правду, но при этом понимал, что смог на меня повлиять и создавал прецедент для дальнейшего шантажа. Обоюдоострый клинок рассек мое сердце надвое.

– Нет, спасибо, – протянула я, щелкнув большим пальцем по краю столешницы. – Адресуй свое предложение тому, кто в нем заинтересован.

– Моя милая дочь, – он снова взял меня за руку и намеренно потянул за нее. Его жест не причинил боли, но был отнюдь не приятен. – Ты это сделаешь. Дополнительные выгоды я предложил, чтобы подтолкнуть тебя в верном направлении. Выбора у тебя нет.

– Я не буду следить за Трентом Рексротом, – возразила я громче и увереннее. – Он не сделал мне ничего плохого, а ты к тому же пошел по ложному следу. Рексрот меня на дух не переносит.

И это еще мягко сказано. Я уже не сомневалась, что он скорее доверит свои секреты неонацистам, чем откроет их мне.

Разумеется, отец предпочел проигнорировать мое крепнувшее сопротивление.

– Если ты этого не сделаешь, Эди, я отправлю Теодора в Нью-Йорк. Ты же знаешь, что я могу сделать это, подключив свои связи. Учреждение, в котором он содержится в Сан-Диего, и так переполнено. Я только сделаю им одолжение.

Вот и вернулись в родные воды. Уже больше похоже на правду. К угрозам я привыкла.

– Шантажом заставляя кого-то пойти на шантаж – интересный метод. Я бы посмотрела, как ты это устроишь. Пытаешься баллотироваться в мэры, а сам переведешь Теодора в меньшее учреждение. Того, чье существование ты вообще хотел бы скрыть, – сухо ответила я, испытывая ненависть к нему, к Рексроту и ко всему миру, стоящему между мной и моим счастьем.

Меня не волновали ни деньги, ни роскошь, ни сломанные туфли от Louboutin. Я просто хотела заниматься серфингом и быть рядом с Тео. И оттого, что все это казалось недостижимым, я чувствовала себя пойманной в стеклянную банку бабочкой. Крохотным существом, бьющимся в преграду, пока не закончатся силы, надежда и воздух.

– Ты слишком часто и громко бросаешься словом «шантаж», юная леди. Считаю это исследовательской работой, – предложил он и снова отпустил мою руку.

– Назови хоть исследовательской работой, хоть шантажом, хоть дядей Джо. Ответ все равно будет отрицательным.

На часах было уже пять утра, и я официально пропустила отведенное для серфинга время. Черт с ним, раз в неделю могу покататься и в восемь вечера. Я встала, и ножки стула закрипели по полу.

Внезапно что-то с громким шлепком ударилось о стол. Я резко обернулась и вновь посмотрела на отца.

Сумка.

Мамина сумка с лекарствами.

Она не должна была так громко шлепнуться, но шлепнулась, ибо была тяжелой. Потому что теперь маме нужно было принимать три таблетки, только чтобы встать с постели, не считая витаминов, от которых она была зависима, и жевательных медвежат для сияния кожи, твердости ногтей и божественного сна, которые она жевала целый день. А еще три таблетки она пила вечером, дабы заснуть.

– Пересмотри свое решение. Тебе нужно думать о двух людях. Одна из них, твоя мать – беззащитный ребенок в теле взрослой женщины. Ты сожгла все мосты, чтобы спасти их, Эди. Все до единого. От образования до мечты стать серфером и уехать отсюда, от меня. Ты пожертвовала всем ради матери и Теодора... чего стоит еще одна жертва?

Я отвернулась к коридору, сотрясаясь от внутреннего вопля. Он, как и хотел, загнал меня в угол и знал об этом. Джордан лениво подошел ко мне, а завеса его самоуверенности окутывала пространство, словно смрад.

– Не ошибись, Эди. Я, не задумываясь, пожертвую твоей матерью и заключенным под замок объектом твоей одержимости. Ты согласилась стать моей послушной марионеткой... и не тебе устанавливать правила, – последние слова он произнес, стоя так близко ко мне, что я почувствовала его дыхание на спине.

Я пулей выбежала из кухни, чувствуя, что он взглядом метал мне в спину кинжалы.

Я бы истекла кровью, но не обернулась и не стала смотреть ему в лицо. Я знала, что он чувствовал.

Победу.

Глава 7

Трент

«Веселый Феликс» оказался балаганом.

По правде говоря, это утверждение было не совсем справедливым по отношению к человеку, который был одет в костюм медведя, похожего на кошку или хрен знает кого еще, и стоя в кругу вопящих детей, танцевал перед ними, как дрессированная обезьяна.

Наверное, всем, кто не входил в мое ближайшее окружение, праздник показался нормальным. Например, родителям, которые с широкими улыбками держались за руки. Даже чертовы разведенные пары ради детей вели себя прилично и наблюдали, как плоды их чресл идут раскрашивать лица и кружат в танце с толпой клоунов, также известных как Маленькие Помощники Феликса. Выглядело жутковато, но если хорошенько подумать, то дети обожали многое из того, что взрослым казалось пугающим. К тому же дети, в отличие от родителей, смотрели на мир сквозь линзу, не замутненную предрассудками и нетерпимостью.

Дети не расисты.

Дети не осуждают.

Детям наплевать, что твоя машина стоит, как две годовых зарплаты среднестатистического американца.

Дети забавные.

Дети чистые.

А я нет.

Я был представителем двух рас в мире белых, и точно знал, что чувствовала Луна. Как и она, я не выделялся внешне, даже в изобилующем белыми протестантами Годос-Сантосе. Я даже не был темнокожим. Моя мать была родом из Германии, отец афроамериканцем. Цвет моей кожи был смягчен, будто разбавлен. Но все же отцовские корни были заметны. В моем росте, мягких губах и вьющихся волосах (если я позволял им отрасти, чего никогда не случалось). Заметно, когда люди отпускали шутки про большой член и баскетбол. Даже когда пытался взять подработку, пока обеспечивал себя во время учебы в колледже. Все это было заметно, хотя окружающие делали вид, будто это не так.

Было что-то печальное в том, чтобы быть представителем двух рас. Общество имело нас во все дыры и под любым углом. Я был слишком черным, чтобы меня принимали в городе белых богачей, где я ходил в старшую школу (та самая футбольная стипендия), и слишком белым, чтобы меня принимало чернокожее население Сан-Диего, где я вырос.

Нельзя сказать, что у меня не было друзей, ведь их у меня было много. Мне не хватало самоопределения. Своей общины. Мозаики, частью которой я мог быть.

Луна в этом смысле была похожа на меня и вместе с тем отличалась.

Она была красива и обладала экзотической внешностью. Редкий бриллиант, который, скорее всего, будет меньше страдать от предрассудков, потому что времена изменились. Она притягивала к себе людей и, черт возьми, казалась совершенно нормальной, пока не открывала рот, не произнося при этом ни звука.

Пока одна, ничего не подозревающая мать не спросила, как ее зовут, и моя дочь не отвернулась от нее со слезами на глазах, потому что с ней заговорила незнакомка.

Пока ребенок этой мамы не назвал Луну чудилой.

– Мам, она не говорит по-английски. И по-испански не говорит. Эта чудила вообще не разговаривает.

Ну что я говорил? Балаган.

Мама тотчас сжала мое плечо, одним взглядом умоляя не кидать этого ребенка на землю и не заставлять его жрать грязь, тыча в нее лицом. Праздник решили провести не где-нибудь, а на пляже, и от жуткого зноя постепенно начинали плавиться кексы, краска на лицах и мои нервы.

– Да что за долбанутый ребенок такое говорит? Им по четыре года.

Я провел ладонью по голове.

Луна сидела с Соней под деревом в нескольких метрах от нас и пыталась успокоиться после неприятного случая. Они ели одно яблоко на двоих. Раз уж мисс Занята-по-Субботам оказалась слишком важной особой, чтобы пойти со мной и Луной на праздник, я решил позвать несколько человек для компании и моральной поддержки. К нам присоединились мои родители – Дарий с Триш, а еще Соня смогла заскочить в последний момент, хотя должна была присутствовать на соревнованиях сына, даже не помню, в каком виде спорта.

– Им по четыре года, а еще они грубияны из привилегированных семей. Ты вырос с самыми мерзкими детьми в стране. Ума не приложу, почему тебя до сих пор удивляет подобное поведение.

Мама ладонью разгладила мою рубашку.

С тех пор, как я сорвал корпоративный джекпот, Триш, некогда работавшая в полсмены в «Волмарт», сильно изменилась. Теперь она без стеснения носила дизайнерские вещи и выглядела, как одна из тех женщин, которых в те времена даже не имела чести обслуживать, потому что они не ступали на порог того магазина. Мне нравилось, что теперь мы были частью сообщества, которое никогда нас по-настоящему не принимало. Ирония в духе Граучо Маркса¹⁶.

Мой отец был единственным темнокожим членом Загородного клуба Тодос-Сантоса.

Луна училась в одной школе с дочерью Тоби Роланда – того самого ублюдка, который сломал мне лодыжку в старшей школе, чтобы увести титул капитана футбольной команды.

Мы смешивались с окружением, объединялись и без спроса брали то, что не было нам предложено добровольно.

Я в этом чертовски преуспел.

– Пора завязывать с этой хренью. У меня кончилось терпение.

Я покачал головой и вздохнул, когда Луна отказалась вылезать из-под дерева и танцевать с другими детьми, даже когда Соня подбодрила ее, пообещав не отходить от нее ни на шаг.

На общественных мероприятиях Луна особенно напрягалась. Первый год после исчезновения ее матери я просидел с ней дома, пока наконец не прогнулся под жизнью. Я хотел поделиться с ней миром. Она была моей. Моя кровь, моя ДНК, мои клетки, мое чертово естество. И все же мне хотелось, чтобы она больше принимала окружающий мир, а мир больше принимал ее.

Мои родители нахмурились и встревоженно переглянулись. Они оказывали колоссальную помощь в воспитании Луны с тех пор, как я вернулся в Тодос-Сантос из Чикаго, где управлял подразделением «ЧБХ». Для этого мне пришлось продать Джордану Ван Дер Зи существенную часть своих акций и между делом еще часть своей души.

– Может, уедешь первым и немного отдохнешь? – Мама погладила меня по щеке, выдавив улыбку. – Мы с папой заберем Луну к себе с ночевкой. Она уже несколько недель мечтает помочь Дару построить тот космический корабль.

Космический корабль.

Мой отец был мечтателем. Выдумщиком. Строил хрень, которая никогда не работала. Понятно, что он строил вовсе не космическое судно. Он строил здоровые отношения с моей дочерью при помощи севших батареек, картонных коробок, суперклея и старых, промокших и

¹⁶ Граучо Маркс – американский актер, комик.

непригодных спичек. Он выстраивал то, для чего я не мог даже заложить фундамент. Здоровые, полные радости отношения с моей дочерью.

Он сносил косые взгляды, которые на нее бросали.

Взвалил на свои плечи бремя отличия от других.

Меня это беспокоило, потому что именно за эти отличия люди возложат на меня вину, если ее мать вернется. Вал будет использовать особенности Луны. Так что да, я болезненно к ним относился.

– Вы не обязаны, – возразил я, хотя совершенно не возражал.

Мне бы не помешал отдых. Я даже не собирался звонить Соне или Аманде. Прямоком отправлюсь в постель. Может, посмотрю тупой боевик и закажу жирной еды, которую не позволял себе есть на неделе. Фастфуд плохо сочетался с силовыми тренировками, которыми я занимался шесть раз в неделю, но иногда даже взрослые мужчины могут устроить праздник жалости к себе.

– Брось, – мама притянула меня в объятия. Она была настолько мала в сравнении со мной, что мысль о том, что она меня родила, казалась странной. Еще более странной она казалась потому, что мама была из числа самых приятных людей, кого я знал, а я был говнюком с большой буквы. – Мы любим Луну и хотим сделать ее счастливой при любой возможности. И вообще, я собиралась испечь яблочный пирог, а у твоего отца зашкаливает сахар в крови. Она сделает ему одолжение, съев большую часть пирога. Правда, Дар? – Она обратилась к отцу, который спорил – всерьез ругался с четырехлетним ребенком насчет состава красок, которым разрисовывали детям лица.

– Ладно, – усмехнулся я.

Я попрощался с Луной, родителями и Соней и забрался в свою черную «Теслу». По пути домой я позвонил в корейский барбекю-ресторан, заказал каждое второе блюдо в меню и еще какое-то время ездил кругами, наслаждаясь всевозможными видами тишины. Тишины, наполненной не словами и напряжением, а одиночеством и эгоизмом – тем, чего начинаешь страстно желать, став родителем. Если бы кто-то тихонько спросил меня на последнем издыхании, хотел ли я стать отцом, то, зная, что о моем признании никогда не будет никому рассказано, я бы сказал правду. Я бы ответил «нет». Потому что быть отцом Луны было слишком трудно, слишком больно и, черт возьми, требовало массу времени и сил.

И все же.

И все же. Я безнадежно, отчаянно и безгранично любил свою дочь. Оттого неспособность помочь ей приносила лишь большее унижение. Меня наполняла яростью мысль о том, что она отказалась от людей или, что еще хуже, отказалась от своей жизни, которая еще даже не началась. Я хотел показать ей: мир – прекрасное, пугающее место, которое стоит узнать. Что деревенщины могли стать воцарившимися королями, если достаточно упорно работали, и что ее папочка был живым тому доказательством.

Между границами округа Ориндж и Тодос-Сантос втиснулось поросшее лесом водохранилище, которое я особенно любил, когда был подростком. Место было немного диким. Большим, удаленным и настоящей денежной ямой для органов местного самоуправления. Ни один округ не хотел с ним разбираться, в особенности потому, что раньше там располагалось здание городского совета Тодос-Сантоса. До того момента, пока его не перенесли в вычурное строение в центре, окруженное таким количеством фонтанов и скульптур лебедей, что можно было спутать с Монако. Формально эта область не являлась частью города, поэтому оказалась забыта и заброшена. Но только взрослыми.

Дети толпами приезжали к водохранилищу, чтобы заняться сексом, выпить и вести себя, как придурки, что было любимыми занятиями большинства подростков. Еще во времена учебы в старшей школе, когда родители Вишеса были дома, что случалось редко, мы встречались здесь, дабы проводить наши еженедельные бои, на которые вызывали друг друга.

Поддавшись мимолетному порыву, я решил заехать туда. Все равно корейский ресторанчик целую вечность готовил заказы навынос, особенно такие большие, как мой. Нахлынувшая ностальгия напомнила мне, что я не всегда был таким взрослым, раздражительным и ненормальным.

Я ехал мимо старых скамеек и маяка, стоявшего посреди озера, которое втиснулось меж пешеходных троп. Опустив окно, я вдохнул ароматы природы. Свобода. Юность. Чистый воздух. На лице возникла легкая улыбка, и я почти смог насладиться этим ощущением.

Почти.

Улыбку с моего лица стер человек, которого я меньше всего ожидал увидеть, хотя ее присутствие здесь было вполне логично.

Эди Ван Дер Зи.

Я услышал ее голос, не успев еще увидеть ее саму, но и увидеть ее мне удалось только сквозь кусты и туман в ночном мраке. По правде говоря, я узнал ее только по растрепанным, светлым волосам, волнами спадавшим на голые плечи, и гортанному, хриплому смеху. На ней был свободный топ ROXY, короткие шорты и расшнурованные ботинки Dr. Martens. Она была так похожа на ребенка, что мне захотелось самому себе дать по яйцам за то, что представлял, как она извивается подо мной, когда той ночью трахал Аманду. Ноги Эди еще не обрели полноту и выглядели, как две прямые зубочистки. Не слишком отличались от ног Луны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.